

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 5 (784)

26 января 1939 г., четверг

Цена 30 коп.

Салтыков-Щедрин

В мае текущего года исполняется пятьдесят лет со времени смерти великого русского писателя-сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Советская литература должна достойно встретить эту знаменательную дату. Силой своего могучего таланта Щедрин завоевал признание для себя еще при жизни. Именно «завоевал». Вся его литературная деятельность была страстной борьбой с врагами народа — с помещичьим капиталистическим строем, с защитниками этого строя в литературе, с оппортунистами и соглашателями, которые проповедовали политику «примирительно к полустой господствующим классам. Парское правительство пыталось привести Щедрина к молчанию. Это не удалось. Политические враги мстила великому сатирику клеветой. Вот что писал после смерти Щедрина один из его врагов в реакционном журнале: «...Салтыков забывает свои политические цели и увлекается потоком шутливых образов, вызванных его воображением. Одним словом, он скорее фельетонист, чем сатирик. Как у сатирика, так и у фельетониста, насмешки и преувеличение бесспорно играют первостепенную роль; и первого, однако, цель серьезная, потому что существует серьезное мировоззрение; а у второго — она лишь цель: пошляться и позабавиться, без всяких других намерений». Это обличение в «фельетонизме» предсказало Щедрина всю его жизнь. Но тупые стрелы отскакивали, не наноса никакого ущерба. Напротив, об этих забавных вылазках против великого писателя значит воскресить в представлении современного советского читателя ту тупую инициативную среду, с которой Щедрин вел борьбу. Более тонко подкапывалась под Щедрина либерально-буржуазная критика. Она не отрицала могучего таланта. Но она отводила Щедрина место где-то рядом с художественной литературой, а не в ее рядах. Рассуждалась публицистические заслуги Щедрина, чтобы под этим предлогом связать его значение как выдающегося писателя-художника. Для этого и сатира вообще бралась под некоторые оговорки, как литературный жанр не вполне «чистый», зараженный политической тенденциозностью и «саблезностью». Пятидесятилетие со дня смерти великого писателя-сатирика дает возможность поговорить со всей силой о значении сатиры, о месте ее в литературе, в частности в советской литературе. Не случайно на все более растущую популярность Щедрина в нашей стране, в наше время. Этот великий русский писатель — нужный нам писатель. Он действительно до сих пор «заоблачен», и это как раз признак художественной его глубины, а не поверхностности созданных им образов. Художественный образ «ретивого начальника», который хотел Америку «назад закрыть», создан Щедриным почти 60 лет назад. Он был злободневен тогда. Он олицетворял тупость, реакционность, мракобесие и провозгласил парское правительство. Применен этот сатирический образ к современному фашистскому правительству, товарищ Сталин показал, что злободневность образа нисколько не утратила своей остроты. Стало быть, не малое, преходящее историческое явление заключили Щедрина, а длительное, коренящееся в самых основах капиталистического общества. А это говорит о глубине, значительности и огромной художественной выразительности сатиры. Сатира — это наиболее острое, боевое оружие художественной литературы. Критика, которая попыталась бы вывести сатиру за пределы художественной литературы, сразу обнаружилась бы под маской ополчения свое враждебное революционное кино. Классическая мировая сатира всегда вошла в художественную литературу, остроты политические мотивы, она всегда была революционна по своему содержанию. Симвом справедливо гордится английская литература как гением мировой литературы. А сатирические романы Смита были острыми политическими памфлетами для своего времени. Свифт оказал громадное воздействие на английскую художественную литературу. Из Смита выросли Теккерей, Диккенс, Бернард Шоу. Точно так же из Рабле выросли Вольтер, Анатоль Франс. С гордостью русская классическая художественная литература входит в мировую сатиру с великими именами Грибоедова, Гоголя, Щедрина. Среди откликов на смерть Щедрина, быть может, самый замечательный — это отклик молодого Чехова. Он писал Плещееву: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот свободный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага... Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения». Чехов и Горький испытали на себе сильное и благотворное воздействие Щедрина. Кто-то из читателей не любил Щедрина в царской России. Эти читатели состояли из Балабайкиных, Подхалимовых, Разуваевых и Колупаевых, Менандров Престловых. Щедрина с ненавистью читали Иудушки Головлевы, рассыпавшиеся тут же в елейных похвалах сатирику. Щедрин сам писал о читателях-врагах, читателей-простачках. Он оговаривал всю жизнь о читателях-друзьях, не просто о сочувствующих, читающих в одиночку читателях, а о

читателях-единомышленниках как о значительной общественной силе, как о действенной партии, борющейся за те идеалы, которые проповедывал Щедрин горькой и злой насмешкой над обществом частнособственнической наживы, утробно-быта, политического свинства. Искренние читатели-друзья были у Щедрина и в царской России. Ленин пользовался щедринскими образами уже в первых своих работах. Ленин знал и любил Щедрина. Он учил большевистскую печать чаще пользоваться щедринскими художественными образами, растолковывал Щедрина, популяризовал его среди рабочих. Первый марксистский теоретик М. С. Ольминский в царской России тщательно и любовно составлял свой «Щедринский словарь». Враги Щедрина ликвидированы в советской стране вместе с ликвидированными эксплуататорскими классами. Все три трети советских читателей Щедрина любят его. Только социализм и мог создать таких читателей. Они уже не просто «почитывают» то, что «пописывает» писатель. Они читают внимательно и критически. Они требуют, чтобы писатель писал честно и мужественно, с такой же любовью в своему делу, с такой же страстью, с какой писал Щедрин. Советская литература и литературная критика еще в долгу перед Щедриным. Правда, не мало сделано для того, чтобы правильно осветить литературно-общественный облик Щедрина, очистить его от буржуазной, от народнической фальши. Ленин определял Щедрина как одного из представителей «старой» демократии, как писателя из общественно-политического лагеря Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Эта установка лежит в основе ряда критических работ, посвященных Щедрику. Но мало, совсем мало сделано для изучения художественной стороны творчества великого русского писателя, для выяснения той огромной роли, которую сыграл Щедрин в развитии русской литературы, для определения родственной связи Щедрина с Гоголем, с одной стороны, с Чеховым и Горьким — с другой. Тщательно подготовлено первое полное собрание сочинений Щедрина. Восстановлены по возможности все тексты, изуродованные царской цензурой. Но издание этого собрания непозволительно затянулось. Оно фактически недоступно широкому кругу читателей, многомиллионной аудитории. Очень мало, ничтожно мало дешевых изданий Щедрина. Нет до сих пор научной, проверенной, литературно изложенной биографии Щедрина. Подготовка к пятидесятилетнему юбилею великого русского писателя? От него должна была бы исходить инициатива в энергичной, оживленной работе. Но союз писателей до сих пор только расквашивается с мелительностью, заслуживающей острого щедринского слова. Недостаточно энергично готовятся к знаменательной дате наши театры, кино. МААТ возобновляет постановку «Смерти Паулины». В Ленинградском Малом оперном театре будет поставлена опера композитора А. Пащенко «Помалурка». Это почти все, что можно сказать о больших театрах. Кажется, решительно ничего нельзя сказать о кино. Повидимому, о Щедрине забыли наши кинематографы после большого и почтительного успеха кинофильма «Иудушка Головлевы». Дело не в том, что просто «забыли» в литературе, театральном искусстве, в кино. Дело в нежелании художественной сатиры как важнейшего оружия в литературе. Поэтому и хромает наша сатира, бледна она, не исполнена щедринской силой и остротой отметить щедринский день, чтобы отточить в нашей литературе, в нашем искусстве оружие художественной сатиры. Оно необходимо нам в борьбе с капиталистическим окружением. Товарищ Сталин с убийственной насмешкой применил щедринский образ в борьбе с фашизмом. Разве не указание это для нашей литературы? Щедрина должна ближе узнать мировая печать. Щедрин нужен миллионам трудящихся, которые ведут в капиталистических странах борьбу с «ретивыми начальниками», с Улар-Брыггиди, со своими презренными Иудушками-протокантами. Щедрин нужен нам как великий писатель, выдающийся мастер русского слова, как учитель в художественной литературе. Ни у какого другого старого писателя нет такой ненависти к миру наживы, обмана, насилия, рабства. По произведению Щедрина Маркс и Энгельс изучали быт царской России. Эти произведения и для нас остаются важнейшими художественными памятниками старины. Перед советским читателем капитализм и крепостничество встают в ярких образах. Остатки капитализма еще живут в сознании людей советского общества. Товарищ Молотов говорил о том, что в нашей стране полностью победил социализм в политической и экономической области. «Об окончательной победе социализма в области культуры» говорит еще рано. С этим связан тот факт, что у нас еще так много работы по живанию пережитков капитализма в сознании людей». В борьбе за окончательную победу социализма в области культуры, в работе по изживанию остатков капитализма в сознании художественной литературе, в первую очередь художественной сатиры, принадлежит важнейшее место. Нам нужен новый Щедрин. А для этого надо знать и любить старого Щедрина, сохранившего всю свою остроту и силу.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ ВОЛК

Отрывки из пьесы Действие второе Большая темноватая кухня на рошинской даче. Вышительная русская печь с плитой и лежанкой — творение провинциального печного архитектора. Под окошком за ней — котелка, прилеж на часок. На переднем плане узенький проход в кладовую. Направо дверь в чистые комнаты. В углу стол и табуретки, красные ядовитым голубым колером. Посуда на полках, осколок зеркала на стене, полочка — сунутся на веревочке. Посреди — открытая дверь во двор. Видны часть «крыльца», лес и, впереди, качаются тоненькие, в цвету, вышние деревья. Глеть в комнатах тихо играет радио. Свежий солнечный полдень. Аграфена в девицки. Со двора опасно поднимается Лаврентий. АГРАФЕНА. А зачем пришел-то к нам? А, может, ты Григорью что подбросить хочешь. ЛАВРЕНТИЙ (оглядевшись). Дакожь ухото! (Секретно). На архирея самому-то пожаляться хочу. АГРАФЕНА. Ну-у, обижает? ЛАВРЕНТИЙ. Насажал веде по приходу шаурье да свояков, а я четвертый год в списках хожу. А кушать-то жалеть. И поговорить не дается. Я к нему раз ночью часом да обманом и вернулася. А он сидит, архирей-то, в красной темпоте, парточки промяляет. АГРАФЕНА. Скажи на милость! ЛАВРЕНТИЙ. Ну, вознегодвал на меня, сироп своей опрокинул... 6 ЕЛЕНА (запыхавшись). Дома-то у нас нет никого, бабушка? ЛАВРЕНТИЙ (копаясь в суме). А вселенский-то очы как наказывали? К примеру Златоуста взять аль Ефрема Сирина... АГРАФЕНА. Да помочи ты, Ефим Фелиц, (Елена). А что стращалось? Лес на речку кунаться побег? ЕЛЕНА. Женяхи приехали. Они опереду покрывались, а пет никого. И повернули. Наши-то за ландышем пошли. Ведь их к обеду звали, а они екую рань! АГРАФЕНА. Бети, девка, за нами, а их их встрену, проведу, обследую пока, кто такие. (Елена убегает. Аграфена сдергивает с себя передник. На ней новое платье, в горошек). ЛАВРЕНТИЙ (выглянув в окно). Сюда идут. У-у, жених-то бравый, аки коп. АГРАФЕНА. Прямиком в улогу. И чтоб тебя неслышно было. 7 (Входит гости. Мать жениха — толстуха в ярком вязаном берете, с зонтиком, обмахивается еловой веточкой. Не мало усилий и воображения стоила ей вынешить ее краса. При толстухе — длинный, равнодушный мужичва в сивых усах и с букетом черемухи; на плечах выважидку поджак, выдвигший и дождь и зной.) ОСТАЕВА. Здравствуйте, если не помешает. АГРАФЕНА. Пожалуйте, пожалуйте. Зонтичек приставьте к стенке. Пушай отдохнет! ОСТАЕВА. Благодарю вас. Знакомьтесь. Это мой брат Фома. КУКУЕВ (кладя руку на усы). Очень приятно завести знакомство. АГРАФЕНА (Кукуюву). Поди, батюшка, встань к свету. (Отвела к окну, коснулась усов, оглядела всего. Кукуюв неподвижен.) Ой, уснипи-то! Да чем же ты, батюшка, Настеньку-то нашу обольстил? ОСТАЕВА. Да нет же, что вы! Я даже вся смеюся... КУКУЕВ. Ах-ах, ошибка. (Положив буткет на плиту.) Никогда не сделаю такой глупости, чтоб жениться. Это долго обяснять, но факт остается фактом. ОСТАЕВА. Назовись, как я тебя учила. КУКУЕВ. Дядя жениха, Фома Кукуюв. АГРАФЕНА (с облегчением). Должность какую-нибудь зампате? КУКУЕВ. Эксперт я являюсь по ролям. ОСТАЕВА. Настройщик, по-нашему. Во времена старого режима фирма Влюттер, не слышали? АГРАФЕНА (с треволгой). Ой, не русская, слышать? В чистые-то комнаты проходите, уж будьте гости до конца! ОСТАЕВА. А мы лучше тут, на свознячке посидим. Тут у вас прекрасно. Я люблю, когда чисто. Чтоб всякую иголку на полу вылить. Силь, Фома! АГРАФЕНА. Пирогам тут у нас воняет. КУКУЕВ. Приятным приятно не испортишь. (Они сели, разговор не клеится). АГРАФЕНА. А мы тут радио заслушались. Очень приятно переаю. КУКУЕВ. Музыка молотит человека. Особливо в жару. ОСТАЕВА. Фома, думай больше, говори меньше. Знаете, мы со станицы пешком прошлись... КУКУЕВ. Один час восемнадцать минут. Тютелька в тютельку. ОСТАЕВА. Ну, какой ты, Фома!.. Пьеты, знаете, такие яркие на жару. Можно ослепнуть, если долго на них глядеть. Всею дорожку пришлось обмахиваться еловой веточкой. АГРАФЕНА. А наши-то машину хотели за вами посылать. ОСТАЕВА. Нет! Я и в прежние времена не любила в машине ездить. Меня от мотора мутит. (Молчание. Кукуюв лоймал бабочку на стене.) АГРАФЕНА (Суховато Остасовой). Тоже занятие какое-нибудь в жизни имели? ОСТАЕВА. У нас завеление было. АГРАФЕНА (как бы мелком). Ой хлопотно, поди, с нарошником-то. ОСТАЕВА. Мы очень зажиточно жили. Ни в чем себе не отказывали. Фома, не раздирай мотылька, ой больно!.. Захочется фруктовой воды — сейчас же покупаем фруктовой воды. ЛАВРЕНТИЙ. Что сказывать-то? Ты и так все про меня знаешь. Окончание см. стр. 4.

Авторы пьесы «Павел Гренок», идущей с успехом в Театре революции, — Л. Леонов (слева) и Б. Войтехов.

ВЕЧЕРА ПАМЯТИ ЛЕНИНА

21 января в Московском клубе писателей состоялся вечер, посвященный 15-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. С докладом выступил проф. Бахляев. Докладчик подвел итоги всемирно-исторических побед, которых советский народ под руководством партии большевиков, под руководством товарища Сталина добился за 15 лет неуклонного следования по ленинскому пути. В концерте, посвященном памяти В. И. Ленина, поэты П. Антокольский, А. Коваленков и Л. Кытко читали новые стихи о Ленине. И. Сельвинский прочел посвящение, пролог и вторую картину первого акта из своей новой пьесы «Ленин в 1918 году». Кроме того в концерте приняли участие члены Д. Журавлев и М. Царев, лауреат международного конкурса пианистов в Варшаве Н. Емельянова, певца Ф. Милановская и вокальный квартет ГАБТ, который исполнил народные песни, любимые Лениным. ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В доме им. Маяковского состоялось собрание ленинградских писателей, посвященное 15-летию со дня смерти В. И. Ленина. Собрание открыл В. Каверин. — Ленинградские писатели, — сказал он, — отмечают сегодня 15-летие со дня смерти величайшего человека нашего времени — Владимира Ильича Ленина. Эта смерть была встречена трудящимися всего мира как самое глубокое горе. В жизни каждого из нас этот день останется как скорбная дата. 15 лет прошло со времени смерти Ленина и исторической клятвы Сталина. Эта клятва осуществлена. Сохранено единство партии, укреплена диктатура пролетариата, построено социалистическое общество, выросла мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота. — Я видел, — продолжает т. Каверин, — как вновь проложенные дороги меняют жизнь народов. Новой дорогой, пролаженной в истории человечества, была великая жизнь Ленина. И одна мысль приходит каждому человеку советского искусства: как отобразить, увековечить образ Ленина? Написать образ Ленина, понять его дыхание, понять, как Ленин стал самым скромным и самым великим из гениальных людей, — вот благороднейшая задача писателя. Чтобы написать книгу о Владимире Ильиче, нужно изучить и понять жизнь и великую борьбу Ленина, нужно овладеть большевизмом. После смерти Ленина наша страна шла по ленинскому пути, она вела и ведет за собой передовое человечество всего мира. Величайшее дело она осуществила и осуществляет потому, что волею нашей партии, народов Советского Союза и мирового пролетариата является гениальным продолжателем дела Ленина — Иосиф Виссарионович Сталин. Прекрасными словами Агрия Барбоса заканчивает свою речь т. Каверин: «Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине, Сталин — это Ленин сегодня». Стихи, посвященные Владимиру Ильичу Ленину, прочли А. Прокофьев, П. Пихонов, Д. Пензор. В художественной части участвовали В. Лихотин, народный артист РСФСР Ю. Юрьев. УКРАИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ К ЮБИЛЕЮ Т. ШЕВЧЕНКО КИЕВ. (Наш корр.). 125-летие со дня рождения великого поэта-борца Т. Г. Шевченко советские украинские писатели встречают новыми произведениями, посвященными его памяти. Депутат Верховного Совета УССР, поэт-академик Павло Тычина работает над драматической поэмой о дружбе Шевченко и Чернышевского. Владимир Сосюра пишет цикл лирических стихов о Шевченко. Иппо Фефер закончил «Балладу о горящем доме», которая в настоящее время переводится с еврейского на русский и украинский языки. В балладе рассказывается об интересном эпизоде из жизни великого поэта-демократа: Тарас Григорьевич, проезжая через село, остановился у горящего дома. Горела хата еврей-бедняка. Кулаки запрещали тушить пожар. Тарас Григорьевич первым взял ведро с водой, и пожар был вскоре ликвидирован. Семен Скляренко, Аркадий Любченко, Василь Кучер уже выступили в печати с рассказами, посвященными Т. Г. Шевченко. Молодой писатель М. Хазан (Черныгов) стал в издательство книгу рассказов о великом украинском поэте.

В ЮБИЛЕЙНОМ ШЕВЧЕНКОВСКОМ КОМИТЕТЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

20 января под председательством А. П. Толстого состоялось очередное заседание юбилейного Шевченковского комитета ССП, на котором были заслушаны сообщения о подготовке к 125-летию со дня рождения Шевченко в периодической печати и в культурных и общественных организациях Москвы. По сообщению т. В. Гоффеншера, в ближайших номерах литературно-художественных журналов будут напечатаны многочисленные переводы стихотворений Шевченко и статьи: проф. Добрынина — «Творчество Шевченко», О. Резника — «Шевченко и его дневник» («Знамя»), Н. Бельчикова — «Шевченко и украинская пенаура» («Новый мир»), А. Лейтеса — «Шевченко в мировой литературе» и «Шевченко и Орлиж» («Интернациональная литература»), общая статья Н. Бельчикова о Шевченко («Октябрь»), «На родине Шевченко» — А. Левченко («Колхозник») и др. Из произведений о Шевченко будут помещены: рассказы В. Беляева, С. Заречной («Знамя»), О. Форш, М. Золенко, К. Паустовского («30 дней»), юбилейный цикл стихов А. Суркова, драматическая поэма С. Головановского «Погода доля» в переводе Н. Брауна, баллада о Шевченко И. Федера («Новый мир»), биография Шевченко А. Дель и Л. Вать («Интернациональная литература»), очерк В. Кузьмича «Позорок батька Тараса» («Колхозник») и другие. И. К. Луппол сообщил Комитету о том, что Институт мировой литературы им. А. М. Горького намерен организовать большое торжественное заседание Академии наук СССР совместно с союзом советских писателей. К участию в этом заседании должен быть привлечен и Институт литературы Украинской Академии наук. Институт литературы им. Горького устраивает также серию докладов на специальные темы, касающиеся жизни и творчества Шевченко. В юбилейные Шевченковские дни в Политехническом музее и в МГУ намерено устроить доклады А. Корнейчука — «Т. Г. Шевченко», И. Стебуна — «Шевченко и украинская литература», Н. Бельчикова — «Шевченко и русская литература», Г. Владимировского — «Шевченко и Пушкин», К. Чуковский — «Шевченко и Некрасов» и другие. В целях популяризации творчества Шевченко решено обратиться в Комитет по делам искусств с предложением устроить в один из Шевченковских дней во всех театрах и крупнейших кино-Москвы перед спектаклями и киносеансами выступления поэтов с чтением переводов из Шевченко. О подготовке к юбилею в Музыкальном управлении Комитета по делам искусств сообщил М. Гринберг. Многие советские композиторы пишут музыку на слова Шевченко. Композитор Р. Глэр работает над поэмой для симфонического оркестра. Кантату для хора и оркестра пишет композитор В. Кочетов. Сюиту из трех песен на слова Шевченко — для солиста, хора и оркестра — обещает дать Л. Книппер. Музыкальное произведение для хора пишет композитор В. Бельш. Таким образом советскими композиторами будет дано много новых музыкальных произведений, благодаря которым можно будет в Шевченковские дни устроить в Москве несколько концертов. Издательство «Искусство» выпускает к юбилею два малозвестных произведения Муромского на слова Шевченко и несколько старинных сочинений украинских композиторов. Союз советских композиторов также готовится к юбилею. Результатом этой подготовки является первый — пробный — концерт из произведений советских авторов, который союз обещает устроить в клубе писателей в середине февраля. Союз удалось также получить у композитора П. Синица двадцать старых произведений на слова Шевченко. Шевченковский комитет решил войти с ходатайством в Верховный Совет о переименовании проспекта Страстного бульвара и площади перед Киевским вокзалом в проспект и площадь имени Шевченко. В состав Шевченковского комитета союза писателей дополнительно введены И. К. Луппол, Н. Ф. Бельчикова, А. И. Бельмыжнев и А. П. Рабинича. РУССКИЙ ПЕРЕВОД «САСУНЦИ ДАВИД» ЕРЕВАН. (Наш корр.). Бригада поэтов союза писателей — гг. Шервинский, Липскеров, Держанин и Кочетков закончили поэтический перевод армянского народного эпоса «Давид Сасунский» на русский язык. Переведено больше десяти тысяч строк. На-днях русский поэтический перевод будет сдан в печать.

В А Л Ь М И

ДЕЛО НАРОДА

История — не сборник анекдотов и романшированных описаний. Это сумма человеческого опыта, где точное знание охватывает не только прошлое, но и настоящее, и должно руководить каждым нашим шагом.

История Франции времен Французской революции имеет много общего с нынешней историей Франции, России и Испании. Пусть же она нас учит и вдохновляет. Революционный взрыв прогремел во всем мире. Он наполнил третью часть земного шара и вселенную тревогу в принцах и королях. Три великие монархии Европы — Австрия, Пруссия и Россия — враждебно смотрели на Францию и с нетерпением выжидали момента, чтобы вторгнуться в ее пределы. Но если бы их настойчиво не призвали король и королева Франции, они все же не стали бы торопиться с этим, рассчитывая, что Францию ослабит внутренние распри и революционная анархия.

Нас пытались расторгнуть трагическую судьбу Людовика XVI и Марии-Антуанетты, которых Конвент позднее судил и приговорил к смерти. И, конечно, исполнение было горестным. Они полагались, что они не станут жертвами приговора. Король и королева Франции преданную страну самым презренным образом, развязывая войну и вызывая неприятельские нашествия. Они пинали во всем дворах Европы. Марии-Антуанетту поддерживал австрийский император, ее брат. Он не жалел самых свирепых угроз, когда провалилась попытка Людовика XVI и Марии-Антуанетты бежать из Франции и укрыться в Рейнской области, где они могли бы принять командование армиями, наступавшими на Францию.

Все дворянство Франции оказалось сосредоточено вокруг Кобленца и Майнца, под начальством двух братьев Людовика XVI и двух маршалов Франции, Броуа и Кастильи. Весь «королевский дом», мушкетеры, всадники легкой кавалерии, гренадеры и жандармы, все «рыцари короны», провинциальные дворяне из Лангедока, Оверни, Бретани, где служил Шатобриан, три линейных полка, множество эскадронов, возмущенные французы, знавшие самые пышные финансы Франции — все они как волна обрушились колом на Францию. Обезумев от бедствия и жажды мести, выжидала мгновение, чтобы ринуться в бой. Они клялись все уничтожить огнем и мечом. И если бы Франция была предоставлена их ярости, «от нее бы вскоре осталась», — сказал один очевидец-очевидец, — лишь огромная могила». Их неустойчиво внушало ужас даже пруссаки, которые имели достаточно благоговения, чтобы держать эмигрантов позади своей армии. А генерал-сисимус, герцог Брауншвейгский, несколько не скрывал презрения, которое питал к этим предателям.

Во все времена были армии одинаковы.

В ученых спорах многие старались и сейчас стараются искажать взгляды Робеспьера на войну, которая началась между революционной Францией и европейскими монархиями. Он действительно сдерживал тогда общее увлечение. Но смысл его взглядов полностью высвечивался в своей большой речи 18 декабря 1791 г. в Обществе друзей конституции Робеспьер вовсе не говорил, что он против войны. Он сказал, что не следовало бы ее объявлять «в настоящую минуту» (он подчеркнул эти слова). Он считал началом плохо поставленной и плохо подготовленной смертельной угрозы нашествия пруссаков и армии эмигрантов, он сказал: «Прежде чем ринуться на Кобленц, подготовьтесь к войне!». Он ясно видел, что двор Франции и враги революции делали ставку на войну, чтобы овладеть положением и истощить революцию. Он требовал, чтобы революция прежде всего предъявила обвинительный акт правительству двора и разоружила внутренних врагов. Он осуждал всякую завоевательную войну: но тем более он превозносил «спасительный» и «везначный» взрыв негодования французского народа при нападении на его территорию.

Нападению же это неминуемо должно было произойти весной 1792 года. У границ собиравшие австрийские войска. Когда французский министр иностранных дел потребовал от австрийского короля денонсацию пакта о дружбе и нейтралитете, австрийский король ответил 7 апреля, что он будет продолжать действовать в солидарности с другими монархиями, «пока кровавая книга во Франции будет стремиться к ограничению свободным королем и посягать на монархию». С 3 апреля император возложил на герцога Брауншвейгского общее командование силами, предназначенными «спасти Францию и Европу от анархии».

Итак, у Франции не было другого выхода, кроме войны; и ее правительство можно упрекнуть лишь в том, что оно объявило войну прежде, чем страна была вполне к ней готова. Совершенно ясно, что Людовик XVI, 20 апреля предложивший Национальному Учредительному Собранию войну, спекулировал на предвидимых им пороках французской армии. Через список секретных агентов он сообщал в Париж, что в армию Франции, в том числе в кавалерию и шеффалиеры, будут за него. Но депутаты-жирондисты Собрания, тоже хотевшие войны, объявили, что она будет победоносной и позволит им свергнуть монархию.

Уже самое начало военных действий, казалось, подтверждало правильность расчетов короля и его планов. Французская армия обратилась в бегство при первых же столкновениях в Бельгии и в канье перебрала своих начальников. Как могло быть иначе? В армии парила измена. Из десяти тысяч офицеров регулярной армии шесть тысяч перешли к врагу. Оставшиеся стали жертвами слишком аконных полонеров солдат по отношению к людям, которые ими командовали. Угнетенные сорваны. Волонтеры плохо обучены и плохо вооружены. Нехватка пудры, фабриковали лица. Казалось всеполющим держаться против старых армий Австрии и Пруссии — последние были самой подготовленной в Европе и считались до тех пор непобедимой.

Но оказалось, что Франция располагала моральными силами, о которых не подозревали ее враги и даже она сама. В буржуазия, подымавшая к власти, но когда не имели возможности проявить себя и которые старый режим держал в угнетении. Сама эмиграция, избавив армию от клещевых, невежественных и недисциплинированных дворян, заставила возыграть на поверхность сотни утер-обшеров, преследованных в тюрьмах и галютах. Достаточно напомнить, что среди начальников, избранных волонтерами 1791 года, находились почти все будущие генералы: Лавуазиер и империи: Марсо, Даву, Журдан, Моро, Лекюб, Сюзе, Удино, Су. Бурк, Массена, Ланн, Дюма, Гувонен, Сен-Сир, Лефевр, Аксо, Бессьер, Виктор, Фриан, Баль-

зар, Шампионе. Гом был произведен в лейтенанты 24 июня 1792 года, а Бонапарт в капитаны — 11 сентября 1792 года. У этих волонтеров было не больше 5—10 месяцев для обучения. Они соединились с тремя маленькими регулярными армиями, которыми Франция еще обладала, и все вместе составили армию, о которой Дюмуре сказал, что она «испускает храбрость и гражданские доблести».

Она имела счастье найти генералов, которые создали для нее новую тактику, приспособленную к ее силам и даже к ее слабостям: гибкость и маневренность в противовес геометрической строгости старых армий Фридриха II. Применение артиллерии, уклонение от боя в открытой местности и практика множества мелких излобированных стычек, жалаящих противника, как роф пчел.

Наступление пруссаков сопровождалось актом неслаженной провокации, вызвавшей негодование всей Франции: называемым манифестом от 25 июля, так называемым манифестом Брауншвейгского. Он требовал, чтобы французская армия немедленно подчинилась королю, а национальные гвардейцы охраняли его безопасность; он возлагала ответственность за всякий ущерб, причиненный королевской персоне или члену его семьи, на всех членов Собрания, директоры департаментов, муниципалитеты, и грозил им военной силой. Если дворяне Тюильри будут ваят силов и атаковать французского короля, Королева и король будут подвергнут полному разгрому. Та же участь постигнет все города Франции, которые совершат акт негодования королю. Все французы, осмелившиеся защищаться от неприятельских войск, будут считаться мятежниками, их дома будут сожжены.

Никогда еще столь отвратительные и безрасудные угрозы не были брошены в лицо великого народа. И самым невероятным было то, что под ними стояла подпись генерал-сисимуса, герцога Брауншвейгского, старого человека, умного и считавшегося во всей Европе, даже во Франции, видным государственным деятелем, философом, способным понять новые идеи и не обходящим в глубине души антиклерикальный крестовый поход. Но Брауншвейгский был слабохарактерным человеком и вассалом прусского короля, с безрасудным пылом ставшего во главе прусского похода. И в самом деле, манифест был полностью отредактирован французскими эмигрантами под личным принцем и атаком французского двора. Королева и король инспирировали его текст и торопились опубликовать. Эти безумцы воображали, что посядут страх в народе Франции и низринут его к ногам его суверенов! Ни один из этих королей, принцев, дворян не имел ни малейшего представления о гордости французского народа!

Это вызвало взрыв ярости всей Франции. «Нация встала, как один человек, получивший почтение, и вооружилась миллион рук». Манифест ускорил крушение монархии. 3 августа Людовик XVI тешно пытался отмежеваться от манифеста. Его ложь была слишком явной, и это подало всем Франции. Семь дней спустя Тюильри был взят приступом, и король был сброшен со своего трона.

Враги с ликом поодню поняли свою ошибку. Герцог Брауншвейгский всю жизнь попытка угрозыния из-за бесчестья, нанесенного его имени подписью под манифестом.

Но неприятельское наступление было начато, и настало о лавинном восстании 10 августа усложнил его ход.

19 августа 1792 г. пруссаки вступили во Францию близ деревни Реданж. В тот же день подал реакция нобельский ветер; небо разразилось, началось дождь, не прекращавшийся в течение двух месяцев, затопивший лагерь неприятеля, заставлявший его вынуждены в аловонной, ледяной грязи, свещий среди него болезни. Говорили, что стихия вмешалась в дело и какой-нибудь Моисей накликал на врага египетские казни.

Начало войны, однако, было отмечено поражениями для Франции. 23 августа Лотвин был слан без боя. Затем Верден. Предатель, маркиз де Бийе, бывший командант города Меца, нацелен на пруссаков план атаки и похода на Париж. А лучший французский генерал, командующий армией Севера, Ляфайетт, после 10 августа пытался поднять свои войска против Парижа и, получив отпор, перешел границу со всем своим штабом в самый день вступления во Францию пруссаков.

Как бы трагический, Франция и революция были в опасности.

В генерале Дюмуре не было ничего от чистого героя республиканца, какими были Гом, Деаз или Марсо. Этот маленький смуглый 53-летний человек, некрасивый, очень подвижный, с огненными глазами, был авантюристом; в нем текла смешанная кровь Прованса и Фландрии, он объединял свет в качестве кондотьера и тайного агента. Очень смелый, исполненный ума, с протесскими гения, но интриган и честолюбив; после попытки быть заодно с королем и убедившись, что король проиграл партию, он надел красную кофляк, пошеловал Робеспьера в Якобинском клубе и предложил лишить короля прав. Его назначили на место Ляфайетта главнокомандующим армией Севера; и в несколько дней он осуществил единственное из своих предположений, он был командован по всему фронту, осуществлявшим дипломатические и военные действия, ему возлагалась об интрижках, которые ему присылали из Парижа. Это могло бы быть крушением, — это было спасением Франции.

В течение сорока дней судьба Дюмуре отожествлялась с судьбой революции; и человек, который впоследствии цинорно изменил Франции, был в августе—сентябре 1792 года живым выражением гения революции в армии. Он обладал легкостью ума, которая в некоторые часы крайней опасности есть форма самой высокой отваги. Он насколько не пугался ответственности, Он отважно вел в огонь свои молодые, неопытные войска против ветеранов Фридриха II. Французские солдаты впади в чинные после измены Ляфайетта. В несколько дней он оживил их своим пылом, огнем и всеобщем. Он излучал вокруг себя веру в победу.

Он метал завоевать в Австрию Ингледанды. Вынужденный покинуть Фландрию из-за стремительности неприятельского наступления, 1 сентября, он принял решение: он предоставит Монмеди, Седая и Мезьер их части, чтобы преградить дорогу на Париж. «Сласть ствол, — сказал он, — не цепляется за ветки!».

Нужно было спешно овладеть естественными укрытиями Аргоныи, лесистые пласты которой разлетались бассейны Мезы от долины Он. Дюмуре провел дерзкий поход на Гранпре, где он расположил свой лагерь, 3 сентября, между Эр и Эн. Часть его авангарда командовал креполь Миранда, из Каракаса, который впоследствии метал быть освобождением Испанской Америки Капитуляция Вердена и беспорядочное бегство его гарнизона, сеянное панику в войсках, которыми было

поручено притти ему на помощь, грозили дезорганизовать армию. Но Дюмуре вновь овладел ею. Он писал Собранию, что держит в руках Фермопиль Францию и будет счастливец, чем Леонид.

Фермопиль были обведены. Брауншвейгскому удалось провести Дюмуре своими передвижениями и пробить брешь в Аргоныи, через ущелье Крва-о-Буа. Дюмуре, предвидя возможность окружения в Гранпре, провел в ночь с 14 на 15 августа замечательное отступление за Эн. Но хотя жирондисты в Париже потеряли самообладание и говорили о передаче правительства в Тур и даже в Овернь и дальше и несмотря на инструкции министра, предписывавшие отступить на Марну, Дюмуре отказался отступить и смело обосновался перед Сент-Мену, подъяв гвардию на левый берег Эн и на Шалонскую дорогу. Он встретился здесь с Веронивилем и Келлерманом — первым из них командовал подкреплениями фламандцев, второй — армией центра. Оба долго отказывались ему внять; они возражали против того, чтобы Дюмуре шел на поражение, и хотели увести его с собой. Они присоединились к нему только в последний час, совсем накануне Вальми. Келлермана нужно было заставить идти в бой, буквально наваять ему славу, которая в будущем украсила его имя титулом герцога де Вальми.

Келлерман был удивительным контрастом Дюмуре. Большой, атлетически сложенный, шумный, полный самохвальства, надутый мелким тщеславием, очень невежливый и злой человек, как Дюмуре, деятельный и преданный своей службе, горячий патриот и якобин, он хвастал тем, что был первым подлинным генералом-санкюлотом.

Он обосновался на холмике Вальми, который называли тогда Пригороде мельницы, — узком и крутом гребне, за Ов, увеличанном ветряной мельницей. Дюмуре анализ парализовал — вторую — дивно возвышенности, отделенную от первой болотами; а с горы Иврон его великодушная артиллерия под начальством Абовилля прикрывала сбоку войска Келлермана. Визу проходила большая дорога из Сент-Мену в Шалон, подымавшаяся на плато де ла Люн, где напротив Вальми обосновались войска пруссаки. Глубокая ночь. Свирепый ветер дул с огромных, мрачных степей Шампани. Ночь и туман способствовали продвижению врага.

Двадцатое сентября 1792 года. Полдень; а утро прошло в военных действиях и артиллерийских дуэлях под повоем непроницаемого тумана. Вдруг завеса упала. Сильный ветер в ключах разорвал туман. Король Пруссии, герцог Брауншвейгский и их штаб жадно устремились вперед, чтобы разведать позиции противника. Они были поражены...

С двух боков выскочили Вальми, господствовавшие над участком, в образованном порядке, развернутой фронт французские войска, в полном спокойствии ожидавшие врага, — два крыла армии, изогнутые в центре, — и впереди — кавалерия...

Так силен был моральный эффект этой картины, что прусский король и герцог Брауншвейгский целый час ни на что не могли решиться, несмотря на бешеное возбуждение эмигрантов.

Наконец герцог дал приказ идти в атаку. Был час пополудни. Под барабанный бой, парадным строем, прусская армия двинулась на две линии. Тучи рассеялись. Солнце запылило.

Келлерман на высоте построил свои войска в три колонны; он приказал, чтобы они, не стреляя, ждали, пока враг заберется на холм, и только тогда пойти бы в штыковую атаку. Он надеялся на конец сабля свою большую шпалу с трехцветным султанои и воскликнул: «Да здравствует нация!». Вся армия повторила этот возглас; и солдаты также волеи свои шпалки на острия штыков.

Обе армии были отделены друг от друга не более чем на 2200 метров. Французские пушки с горы Иврон опустошали первые линии прусских полков. А по-прежнему неподвижные солдаты Келлермана с пенем «Са рр!» ждали сигнала... Смятение охватило прусскую армию... Каким был этот вооруженный народ, который ирисовался готовым к бегству или к славе при первом залпе? Он выскочил, как стена, и бросал ей в лицо свою выжидающую песню, как грозный смех и сверху до низу гора отдала этот крик нации... Прусская армия открыла революцию!

Герцог Брауншвейгский командовал: «Сто!» Пробежав двести шагов, полки Фридриха II остановились. Наступление неприятеля было остановлено.

В действительности здесь не было сражения. Только артиллерийская дуэль, продолжавшаяся до конца дня, залившая кровью две неподвижные армии, с обеих сторон подвержавшие опасности своих одиночных храбрых начальников: здесь — Келлерман и Дюмуре, там — король и наследный принц Пруссии и с ними великий Гете, чьи ясные глаза охватывали всю картину. Произошло нечто большее, чем сражение: лицом к лицу столкнулись два мира. И охваченный опенением старый мир слышал, как внутренний голос говорит ему: «Ты не пойдешь дальше!» Он был побежден, не будучи разбит.

Между лютым и шестью часами замолчала последняя выстрелы. Едва прекратилась канонада, вырасталась страшная буря. (Природа продолжала страдать от плато де ла Люн; а потоки дождя и ледяной ветер ночью завершили деморализацию армии. Беспорядок был полный, как после поражения. Удрученный Брауншвейгский провел ночь в горьких размышлениях. Выход охватило опенение; и никто не понимал, что произошло. Но Гете сказал: «С этого места и с этого дня датируется новая эпоха истории мира».

Побежденные это почувствовали лучше, чем победители. Удивительно, что последние совсем не знали, что они победили. Ночью обеспокоенный Келлерман покинул Вальми со своей армией, чтобы соединиться с Дюмуре. Он боялся навазрять себя отрезанным от дороги на Париж. А Дюмуре также ждал, что завтра его атакует У. Мечом под руками его письмо к Келлерману, написанное на заре 21 сентября, в котором он приглашал Келлермана присоединиться к нему. «Теперь ваша очередь притти на мое сражение и помочь мне».

Но враг не думал больше о наступлении. Его моральная сила была разбита. Он остался на месте еще неделю, не способный действовать. И 30 сентября, терпя по всем направлениям, изморожденная неприятельская армия отступила к Релюу. А между тем, в те самые дни, когда старый мир был разбит в Вальми, в Париже открылись заседания Национального Конвента. Моея заявил, что Собрание «узаконило волю всех французов, освобождая их от гнета королевской власти». А Дантон своим мощным голосом бросил миру грозное заявление, что, назначая новое Собрание, нация «создала великий Комитет всеобщего восстания народов».

Нынешние сны революции, способные ли им слушать без волнения и страха гордое эхо канонады Вальми?

Я не знаю, в точности ли представляют себе наши товарищи — советские интеллигенты — характер внутренних переживаний интеллигенции Запада, которая с левыми пор испытывала нечто вроде отчуждения к тому, чтобы определить свои позиции, взять чью-либо сторону, принять решение. Принять решение! При этой мысли что-то в них всегда воскресает. И однако, если исследовать историю развития литературы и искусства нашего беспоконного Запада, постоянно жаждущего свободы, то окажется, что истинный художник всегда принимает чью-то сторону, всегда принимает решение. И разве в решении не принимается решение не было уже решения? Да, даже требование чистоты поэзии и автономии искусства уже есть протест против чего-то; и утверждение чего-то.

Я спрашиваю себя, в чем заключается своеобразии нашей западной культуры, и прихожу к выводу, что культура, которая некогда провозглашала себя, в сущности, абстрактной, чистой, бескорыстной, насколько возможно незаинтересованной в жизни, теперь должи, обходным путем прийти к самой широкой и глубокой действительности, к всеобъемлющей человечности.

«О, край мой милый! Моя судьбина!»

Шевченко.

Дед мой — старый николаевский солдат — любил поговорить о Тарасе Шевченко. — Было это в давние времена, — говорил дед, — когда служил я, хлопчик, в Оренбургском крае...

Эти давние времена казались мне похожими на рисунки в старых полюбившихся журналах. Они были тусклыми, выгоревшими, от них тянуло горькой пылью. — Было это в давние времена, — повторял дед и тешно старался вынуть тусклыми руками искру из кременя, чтобы закурить трубку, — еще при царе Николае. Стояла наша рота в Гурьеве-городке, на реке Урале. Кругом, куда ни кинь глазом, степь да степь, одна соленая земля, одна пустынная местность. И от великой сухости пропадали в той местности солдаты.

И смотрел на деду и удивлялся, как это у него за столько лет жизни не сохли с лица омаги от каспийского солнца. Шеки у деду были черные, шея жилистая, привыкшая к красному солдатскому воротнику, и только в глазах блескивала голубоватая вода — спутник дряхлости, признак неделаей смерти.

— И прогнали в то время герца Гурьев, — нетерпеливо говорил дед, — известного впоследствии человека, бывшего кривака Шевченко. Забрал его царь в солдаты за мужские песни. Гнали его, хлопчик, на Мангышлак, в самое киргизское некло, где тухлая вода и нет ни травы, ни лозы, никакого, даже дельцаго, дерева. Рассказывали старослуживые солдаты, что побоялся рыловой Шевченко у лас в Гурьеве сухой прут из вербы, увез на Мангышлак, а там послал и подложил его той гора, пока не выросло из того прута шумливое дерево. В наше время солдаты гоняли сквозь строй, были бесполезно мокрыми прутьями из вербы. Называлось это занятие у командиров «зеленая узина».

Один такой прут и побоял Шевченко. В память забытого тем прутом солдата он его послал, и выросло на крови солдатской в белникой акаспийской земле. И по нынешний день шумит оно листами на Мангышлаке, рассказывает про солдатскую долю. Да некому его слушать, хлопчик. Шевченко давно лежит в высокой могиле, а слышно то разговор только пескам, да сусликам, да пыльному ветру. Дует он там день и ночь с бухарской стороны. День и ночь поронит глаза, сушит горло, тоску прибавляет. А теперь, по прошествии многих времен, может, на том месте, где сажал Шевченко вербу, уже вырос сад, и какая-нибудь птица сидит в том саду и свирель в теню, в холодаке, про свои птичьи небольшие дела.

Я мог слушать деду весь день. В коноплянике жужжали зеленые мухи. Горох на горчиче летел рассыпался, трещал, и ступался, шумела за плетнем по камням быстрая река Рось.

Я знал от деду, что она несла свою волю сначала к Белой Керки, а потом в степи, где «мрляла» голубая жара и задулал с Босфора, шевелил бурьян тепловатый черноморский ветер.

После солдатчины дед чукавал в стекла, возил из Крыма на водах перекоскую жемтую соль и сушеную рыбу. С тех пор остался у него привычка петь дребезжащим голосом заунывные, как скрип чумацких воезов, заропожские песни. То были песни о сиротах, о злых мазах, о сказочных маленьких реках, текущих из вышнихх залов, о могилах и ястребах. «Засинели издалече старые курганы». Потом я узнал, что это были любимые песни Шевченко.

Детство мое прошло на Украине, в маленькой мелем хате, где пахло глиной от чистых полов. По вечерам мой тетка, Феодосия Максимовна, вытаскивала из каморы, из сундука растерянный том «Кобзаря», читала его мне нараспев, замалкала на полуслове, снимала нагар со слез и вытирала глаза чистенькой «кусткой». Я смотрел на нее с удивлением. И не знал тогда, что она плакала о своей женской доле, похожей на долю Шевченковской Катерины, о судьбе девушки, обманутой любимым. Иногда она вошла меня в леваду, на маленькую могилу, заросшую выше пояса колосистой травой, и рассказывала, что под этой травой лежит такой же маленький хлопчик, как я, только серолазый, и зовут его Петрусь.

Много лет спустя я узнал, что в леваде был похоронен «незакопанный» сын Феодосии Максимовны — «байстрюк», как говорили по дворам, злые завистливые хозяйки.

Что может быть пленительнее раннего детства, прожитого на Украине! Оно осталось в памяти, как светлая роса на сплех и желтых ползучих цветах портулака, как маленький, заспавший осенние дни, как застенчивые грустные голоса двучмоих двоюродных сестер и нянок, как по-

стоянный шум взов над деловским курением. Дед весь день сидел в курене, сторожил пасаку. Но потом оказалось, что он ничего не сторожил, а отсиживался на пасаке от дурного характера моей бабушки-чачки, желщины черной, гневной, прокуренной до костей адким фракийским табаком. Вместе с дедом спасался в курене от бабьего гнева и рыбой вес Черномолох.

«По прошествии многих времен», летом 1931 года я, выук этого бабьего безответного деду, смел от старого каспийского парохода на берег в Александровском форте (бывшем Новопетровском укреплении) на полуострове Мангышлак, в месте ссылки Тараса Шевченко.

Я вспоминаю рассказы деду и размыкал в пустынном, приплетенном поселке несколько жалких деревьев. Тусклым светом блескивала на их выгорающих листьях. Пыль лежала над горизонтом — тьма сыльных пустынь, мертвых солончаковых пространств. По дворам ревели облезлые верболопы. Солнце казалась глазом слепого.

Я пошел в степь. Желтоватые грязные облака стояли на небе. При первом взгляде на них было ясно, что они стоят здесь неделями, месяцами, как бы пригнаны к этому сухому яебу.

На земле очень редко, в ста шагах друг от друга, росли кусты горькой солоники. За холмом я наткнулся на казахскую могилу. Около выветренного камня стояла пача с теплой водой. На паче сидели, покачиваясь, маленькие птицы.

Я вспоминал выволнованные слова Шевченко в его дневнике о киргизских детях. Они приносят на могилы своих родных чашки с водой, чтобы птицы, залетающие в эти мертвые земли, не погибли от жажды.

Здесь, в этих местах, бродил постаревший поэт в пыльном солдатском мундире. Здесь по приказу Николая у него отобрали единственный карандаш, чтобы он не мог ни писать, ни рисовать. Здесь он думал о детях, жалеющих маленьких птиц, тосковал о своей «прекрасной, бедной Украине во всей ее непорочной и меланхолической красоте».

Я возвращался на пароход. Я торопился. Мне казалось, что пароход может уйти раньше времени и оставить меня на этих надрывающихся сердце пустырях. Я понял все великое отчаяние Шевченко, томившегося здесь весь лет в сыльной казарме, отчаяние народного певца, которому заткнули железным клином горло.

В старое время на полях Украины часто можно было встретить гудящих мальчишек-пастухов, — босоногих, в холщевых рубашках и штанах, с торбами за спиной. В торбы полагалось прятать краюху хлеба и кусок сала. Но в них больше частью ничего не было, кроме черствой корки и черботого ножа, чтобы вырезать из вербы свистки и свирели. Иногда в такой торбе попадались сухие жуки, соломенные подковы и кремни — нехитрый запас игрушек для непонятных взрослых удивительных игр, где главным героем было воображение.

Вот таким хлопчиком-пастушонком со старой торбой на веревочной перевязи и был в детстве Тарас Шевченко.

Детство его ничем не отличалось от детства сотен таких же боязливых, погруженных в свои детские раздумья пастухат. Детские эти раздумья были горькими, как сузьба детей, как печалью было их будущее — рекрутчина, багоги, бедность, вечный труд и, наконец, лишний рот — постылая старость. Напрасно девушки гадали о будущем по оракулу сотника Чагана, напрасно видели счастливые сны. Все знали, что эти сны редко сбываются в такой клятой стране, как николаевская Россия.

Родился Тарас в семье крепостного крестьянина Григория Шевченко в селе Моричах, Звенигородского уезда, Киевской губернии. Родился в 1814 году, когда русская армия утверждала могущество империи Александры на полях Европы, и сумрачным крипакам-украинцам оставался на долю только воспоминания. Он и впоследствии при свете каганцев Железяка и Гонту, умаскую реию, колывицину — украинскую жакерню, когда их отцы подымались на панов, вооруженные деревянными колыями. Среди этих рассказов о потерянной волюности, среди гнева на пашину и вырос Шевченко.

Семья Шевченко принадлежала помещику Энгельгарту — «напыщенному и ничтожному животному», по отзывам беспристрастных современников.

Когда Тарасу пошел девятый год, умерла мать. Отец женился на вдове с детьми, и у маленького Тараса началась сиротская жизнь, полная обид и невыплаканных слез.

Об этой жизни было сказано много песен в тогдашней сирой России. О сиротах гнусавили ранние люди на папертах сельских церквей, о сиротах пели сдещи-

вать себя на всю жизнь связанным с самым величественным в мире, в сегоднешнем трагическом мире, — значит быть связанным с народом, с идеями истинной гуманности. Это значит чувствовать себя неотделимым от той реальности, которую воплощает борющийся народ, пусть как в СССР, он завоевал уже власть и старается ее защитить и упрочить, пусть, как в Китае или в Испании, он защищает даже не свою власть, но свое право сохранить плоть и кровь.

Человек в его высшей форме, самой живой, самой действенной и самой действительной — это народ. Ибо народ — это тот, кто страдает и кто стремится вперед. Народ — это страсть и действие, это самое замечное мысли.

В момент, когда советская интеллигенция обращает свои сердца и помыслы к памяти Ленина, совершившего самую великую народную революцию в истории, мы призываем интеллигенцию всего мира к тому, чтобы вернуть культуре ее истинное человеческое содержание. Против фашизма борются два врага, которые в конечном счете составляют одно целое — народ и интеллигенция.

Пармн, январь.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ОТРЫВКИ ИЗ БИОГРАФИИ

кобзарю по ярмаркам. И пели педаром. Песни о сиротстве детей выдавали потаенные думы о сиротстве народа. Слепые певцы, может быть, сами того не зная, пели грозные и мрачные песни о великой народной боли.

Единственной утешительницей маленького Тараса была старшая сестра Катруся — его терпеливая, нежная нянька. Она укудила его, плачущего, в леваду. Она рассказывала ему сказки о том, что небо стоит над землей на высоких синих столбах. Если идти и день, и два, то пойдешь к этим столбам и увидишь небо так близко, что его можно будет потрогать рукой.

Мальчик атакшал, слушал, а на утро убежал в степь искать эти синие небесные столбы, сбивался с дороги, засыпал, обесцвешивал, в бурьяне, и его привозила домой чучаки.

Через два года после смерти матери умер отец, и Тарас остался круглым сиротой. Когда перед смертью Григорий Шевченко делил между детьми свое нашенское наследство (должно быть, черную солому, холсты и казаны), он сказал, что Тарасу не надо оставлять ничего, потому что Тарас — мальчик не такой, как все. Вылет из него или замечательный человек или большой негодий, — ни тому ни другому бедняцкое наследство не поаводится.

Мачеха, чтобы избавиться от пасынка, отдала его в пастухи. Пастухом Тарас был плохим. Пасты овец и свиней ему мешало живое воображение. Мальчик часами лежал на старых могилах, разглядывая небо, рассматривая украденную у дядька книгу с картинками или играл сам с собой в тихие игры.

Пришлось взять его из пастухов и отдать в ученье к сельским дьячкам. Их было несколько — этих грязных учителей грамоты. Они заставляли Тараса таскать им волюк и читать псалтырь над покойниками.

Двенадцатилетним мальчиком Тарас уже узнал всю неселую повесть крепостного от рождения до последней гробовой его свечки. Смерть казалась отходом. В прообразной пустой хате лежала вдовская женщина. Его черные засоруемые руки впервые в жизни были бездельно сложены на груди. Ему не надо было вставать до рассвета, идти на баршину, подымать сохой неподдающую землю, думать одну унылую луку о том, чтобы прокормить жену и детей.

Потрескивала свеча. Воск капал на тонкие странички псалтыря, привывая вликая женщины, и голос Тараса бормотал неясные утешения о светлых местах, где будет покоиться рядом с умершими панам душа крипака, потому что, как учила первью, все люди после смерти становятся братьями.

Пустыня сторожила Новопетровское укрепление. В самой монопоности ее горизонта, бесплодности земли, в мутном небе была заключена огромная тоска.

По вечерам Шевченко часто ходил вокруг стен укрепления. Солнечные волны набежали на бере

Детский календарь

Детиздат, 1939 г.

Календарь этот отрывной и висеть он должен на стене год.

Я попытался прочесть календарь, и он распался. Распался потому, что сверху нет металлической планки, при помощи которой скрепляются обыкновенно календари.

Детям придется этот календарь сразу же читать веревочкой, вспоминая Детиздат добрым словом.

Детский календарь этот — календарь для школьников. Школьники утром встают и бегают в школу. Времена у него мало. У него есть только книги, есть в сумке учебники. Давать им в календаре куски из учебников — неправильно.

Календарь — это «месяцеслов» по-русски. Связан он с такими вещами, как времена года и погода. Связан он с революционными праздниками, с памятными датами. Праздники и даты в календаре отмечены, отмечены даже день рождения композитора Франца Шуберта.

Времена года в календаре почти что не замечаются. Между тем хорошо было бы в календаре иметь указания хотя бы о том, что делать зимой при отморозенных руках, и как не отморозить руки.

Хорошо было бы дать указания, как заготавливать сало, когда можно начинать купаться.

Во всяком случае школьный календарь должен в характере листов отличаться выходные и рабочие дни.

Это уже самое элементарное.

Но и это не сделано.

Книжкины тоже не выделены.

Этот календарь тянется, не обращая внимания ни на солнце, ни на день ребенка, мало обращая на ребят внимания вообще.

В календаре даны, как иллюстрации, репродукции великих художников и плохие «загадочные картинки».

Происходит каша.

Например, на 13 апреля 1939 года дана картина «Отступление армии Наполеона». Это потому, что 35 лет тому назад (дата не очень круглая) умер художник Верещагин. Но у школьников может создаться впечатление, что Наполеон отступил в апреле.

Мало в календаре анекдотов, почти нет маленьких рассказов. Календарь почти весь построен на маленьких статьях.

Есть удачные кусочки, как, например, статья Формозова, но больше кусков статей, вырванных, механически вырубленных из других книг. Статья о Нансене, который умер 9 лет тому назад (13-е мая), потом изображен спелец ласточки, а на обороте — статья о цветочной пыли, причем приведен страшный случай, когда люди заболели из-за цветочной пыли в городе.

На 16 мая — рисунок Серова к басне «Ворона и лисица», а на обороте — басня «Любопытный».

Материал дан скупо и отрывисто.

Ленинские дни начинаются с 19 января хорошим рассказом о пчеловоде, о том, как Ленин нашел дорогу на пчелынок, следя за полетом пчел. Это хороший и свежий кусок.

Следующий отрывок — «Встреча» — тоже интересен.

На 22 января, на день памяти Ленина, дан отрывок из рассказа Горького «9-е января». 22 января и 9 января — это две даты, связанные, но надо было бы объяснить, что такое 9 января исторически, где происходили эти события.

Дети этого могут не знать. Отрывок так мал, что из него выпала вся обстановка. Здесь нужно было бы увеличить материал, дав дополнительный листок.

Весь календарь сделан по принципу среднего арифметического: столько-то истории, столько-то разлекательного материала, столько-то задач. Это не план, а какой-то результат работы согласительной междуведомственной комиссии.

Качества статей, напечатанных в этом очень серьезном и скучноватом альманахе, я не проверял целиком.

Но кое-что возбуждает мое сомнение. Под 2-м августа напечатана статьяка «Витус Беринг». Статья сделана скучновато. Кое-какие ее данные просто неточны. Например, напечатано, что экспедиция построила корабль и, обогнув на нем Чукотский полуостров, вышла в Ледовитый океан, доказав этим, что Азия отделена от Америки проливом. На самом деле: Беринг дошел до 69° 18' Северной широты. Видя, что берет исчезает с обеих сторон, Беринг решил, что Азия не может соединиться с Америкой.

Дальше Беринг повернул назад, боясь «попасть нечаянно в лед».

В Беринговом проливе Беринг был, но в Ледовитый океан он не выходил. Не исправляю мелких неточностей.

Совершенно неверно утверждение календаря, что «из обратном пути корабль Беринга зазимовал у пустынного острова».

Возьмем энциклопедический словарь Плюшара. Вот как он дает эту историю: «Судно, случайно переброшенное через риф..., к счастью было брошено на берег, где в короткое время увязло в песке».

Команда оказалась на острове, Беринг умер.

Весною собрался оставшиеся в живых. «Ввиду того решено было из остатков обломанного судна построить бот, о котором составил журнал, который всеми подписан собственноручно или по доверенности. Но когда дошло дело до того, чтобы разорвать судно, оказалось, что в высочайшей степени характеристическая черта народного русского духа: никто не хотел покинуть руки на судно, потому что оно... казенное! Офицерам, наконец, удалось уничтожить все сомнения и уверить, что они принимают на себя полную ответственность. Но так как плотник корабельных умел на пути, то сибирский казак Савва Стародубцев, служивший простым работником на Охотских верях, вызвался попытаться, и с честью выполнил свое дело».

Эту историю пересказать во фразе: «Корабль Беринга зазимовал у пустынного острова» — это значит говорить краткую лжю.

Можно считать в общем календарь неудачным, несмотря на то, что в нем есть интересные странички. Детиздат со своей работой справился плохо. Он сделал календарь волжскими, сделал скучно и непонятно.

Задача, конечно, трудная. Будем надеяться, что ее лучше решат в 1940 году.

Та страничка о себе самом, которую поместил Детиздат на 5 мая, напечатана, преждевременно.

Рекламный список авторов в начале странички тоже можно было бы поместить в детском календаре.

Записки педагога

Г. Семушкин определил свою книгу «Чукотка» очень скромно — записки педагога. Еще скромнее эта книга сделана. Нельзя привести ни одного места, где автор соблазнился бы чисто словесной игрой, захотел бы украсить свой рассказ новым сравнением, стиливым приемом или лирическим отступлением. Трудно найти в книге Г. Семушкина и формальные признаки того, что мы обычно называем образом. Литературный критик, обладающий старомодным высокомерием, отнесет книгу Г. Семушкина к разряду очерков на этнографическую тему и забудет о ней, — она как бы выпадает из привычных рамок художественного произведения.

Однако, несмотря на режущую определенность темы и отсутствие формальных «художественных» претензий автора, «Чукотка» является художественным произведением с очень широким тематическим захватом, гораздо более широким, чем этнографический очерк.

В своей книге Г. Семушкин рассказывает о том, как небольшая группа русских, советских учителей прибыла в «Чукотку», расположенную в дикой тундре среди нетронутых никакой культурой чукотских стойбищ. Учителя начали работать в школе, впервые организованной в этих краях. Чукчи не знали, что такое школа, не знали они и русского языка. Учителя же не знали языка чукотского. Никакой письменности, никакого понятия не только о книге, но даже о бумаге у чукчей не было. Таким образом предприятие советских учителей с самого начала представляется состоящим из сплошных противоречий довольно трагического свойства. Если бы «Чукотка» написана была не советским учителем, если бы она изображала некую «культурную» миссию в буржуазном обществе, она имела бы вид совершенно иной. Она изображала бы с одной стороны, непоколебимую отсталость «дикарей» и с другой стороны, высокомерный героизм «просветителей».

Г. Семушкин ничего не прикрашивает в чукотском быту. «...В углу тикал будильник, потешенный за колено на одних жалах. В обычное время этот будильник никто не пользовался. Люди отично расставляли время и без часов. Будильник висел «для хорошего тона». Только перед приездом русских Ульхургин брал его за «ухо» и накручивал. Теперь он исправно «тикает», и неудивительно поэтому, что время, показываемое будильником, ничего общего с настоящим не имело.

Будильником этот представитель советской власти здесь пользоваться не мог. Он только все это видел в квартире чукотки, на пароходах и теперь подражал, как умел. Настоящее, сознательное представление обо всех этих вещах Ульхургин получил позже, на своем родном языке, от будущих школьников на его стойбище».

В этом отрывке замечательно полны и тема, и стиль, и тон книги Г. Семушкина: чукчи очень отстали в культуре, для преодоления их отсталости требуются героические усилия, но во всем этом ни сам Семушкин, ни другие работники культуры не видят ничего особенного.

Семушкин изображает чукчей с настоящей товарищеской симпатией. В его тексте всегда чувствуется глубокая уверенность в том, что их отсталость — категория исключительно историческая. На эту тему у нас достаточно писалось и говорилось, но редко кто это умеет делать с такой высокопарственной убедительностью и так просто, как это делает Семушкин.

Если в книге Семушкина нет разработанных индивидуальных образов, то в ней есть замечательно сделанный образ чукотского народа, веками заброшенного в холодной тундре, веками оскорбляемого и обираемого и тем не менее сохранившего в чистоте умственную, нравственную и физическую энергию. Главное впечатление, какое получается из рассказа Семушкина, — это прекрасная, счастливая эпоха, когда от такого глубокого, векового сна так просто и с таким радужным оптимизмом просыпается целый народ. Чукчи сопротивляются «вторжению» культуры, они еще цепляются за шаманов, они еще боится злых духов, они недоверчиво, а иногда и панически относятся к школьным начинаниям культуры. Но Семушкин умеет с пленительной точностью изобразить характер этого сопротивления: в этом сопротивлении наряду с присыльным подозрительным отношением так ясно видны доверчивость к доводу, большие человеческие способности, расправляющиеся плечи освобожденного народа. И хотя Семушкин не производит никаких филиппик по адресу вековых угнетателей чукчей и их поборников, у читателя возникает ощущение и гневное обращение к ним, к тем, кто виноват в отсталости этих народов и кто и сейчас продолжает эту темную линию мракобесов.

Это общее впечатление от книги Семушкина усиливается той совершенно исключительной скромностью, с которой он изображает советских работников. Нет ни одной строчки, ни одного слова, которые пытались бы изобразить их работу как нечто героическое. Скорее можно обвинить Семушкина в том, что работа этих людей представлена чересчур скупо — обыкновенная советская работа, ничего особенного. Никакого замонажения, никакой позы, ни одного слова хвастливого, ни одного штриха, говорящего об усталости, напряжении, колебании. С бытовой стороны в книге показаны ничем не выходящие, прекрасные советские будни, именно поэтому книга дышит такой светлой уверенностью, такой основательностью и так убедительно.

Для того чтобы книга говорила так много и так впечатлительно, нужно иметь настоящее дарование художника. Семушкин достигает цели не словесными украшениями, не украшениями текста, а очень тонкой организацией материала; у него в книге главное — колорит: колорит природы, людей, настроений, идей и уверенности.

За ширмой «специфики»

Что должен сказать редактор поэты, принесшему такие стихи:

...Смею шагать страна молодая,
Техника быстро растет и растет,
Игны стальные все выше вылетают,
Люди стремятся вперед и вперед.
Сколько за эти счастливые годы
Люди познали науки в стране,
Женщинам нашим открыты дороги
Всюду на нашей советской земле.
Радостно службу свою выполняю,
Красноармейцы стоят на часах,
Наши границы вокруг охраняю,
Зорко следят на советских постах...
Нам кажется, что каждый добросовестный редактор эти стихи отвергнет и, отдавая дань усердию автора, предложит ему поучиться сложному искусству поэзии.

То же самое скажет редактор, прочитав стихи вроде следующих:

Витюк во в руки я взяла, —
Она была еще тепла,
Она узнала много рук
Друзей влюбленных и подруг.
Хозяйка ее в бою
Сложил голову свою.
И вот теперь, в пыли, в крови,
Мы их оружие подымали!

Эта малораматная плясовая должна, по мысли автора, выражать чувства левушки, взявшей витюку для защиты родной Испании. Казалось бы, все ясно.

Но, оказывается, у нас есть издательство, которое охотно принимает такие стихи, печатает их большими тиражами, да еще на обычной бумаге, а на роскошном варианте, с красочными вставками.

Чтобы не томить читателей, мы сразу откровенно секрет, овладев которым можно печатать скверные стихи любым тиражом. Написав ряд бессвязных строчек, проставьте подзаголовки — «спенсия» и отправляйтесь в издательство «Искусство».

Так поступили авторы приведенных нами стихов — В. и А. Победа, приладившие к своему произведению громкое название: «Страна счастливейших людей». Нашелся композитор — В. Кулешевский, написавший к нему музыку. Так же поступил автор «Песни испанской левушки» — Леонид Кропфель. Ленинградское отделение издательства «Искусство» с заведомой поспешностью выпустило обе песни в свет.

Никаких специфических «спенсия» особенностей мы в этих произведениях не обнаруживаем. Это просто плохие стихи.

Нам кажется, что разговоры об особенностях песенного творчества, о сложных своеобразных законах написания песни не имеют серьезных оснований и, в значительной мере, способствуют процветанию многих певцов-поэтов, нашедших пристанище в издательстве «Искусство».

Не решаясь здесь вопроса о том, как нужно писать специальные стихи для песни, мы считаем безусловно необходимым, чтобы текст каждой песни имел самостоятельное литературное значение и мог читаться как стихи.

Блестящее подтверждение этому — творчество великого песенника Франции — Беранже. Действительно, несмотря на специальный рефрен, имеющийся почти в каждой его песне, все его произведения, независимо от музыки, являются законченными художественными произведениями — стихами. То же можно сказать о песнях Пушкина, Лермонтова, Некрасова и о многих народных леонах.

Какие требования предъявляются к песенным текстам? Основных требований не много.

Это — наличие близких народу глубоких мыслей и искренних чувств, сконцентрированных в четырех-пяти строках стихотворения.

Это — простота и доходчивость, ясность и напевность языка.

Это — использование слов, вошедших в быт народа.

Это — образность и афористичность стиха, дающая поэту возможность развернуть яркую, законченную картину в короткой песне.

Наконец, последнее требование. Все строфы песни должны быть написаны размером и ритмом, принятыми в первой строфе. То же относится к рефрену и припеву.

Мы видим, что кроме обязательного единого ритма и размера, требования, предъявляемые к песенному тексту, мало

чем отличаются от требований, предъявляемых к стихам, рассчитанным на чтение.

В нашей стране создано немало песен, вошедших в быт народа, выдержавших испытание временем и пользующихся неизменным успехом у слушателей.

Но можно ли назвать песней такое невнятное буржуазное:

Всю ночь
Мы в полях идем,
На плечах
Пулемет несем.
Эй-я, эй-я-хо!
Светят нам звезды сквозь тучи.
Эй, партизаны,
Готовьтесь к бою,
Родина зовет!

Никакой «специфики» нельзя объяснить печатание этого набора слов, который принадлежит перу И. Родионова и под названием «Битая-партизанская» выпущен издательством «Искусство» в 1938 г. тиражом в 5 тысяч экземпляров. Очевидно, издательство «Искусство» руководствуется в своей работе желанием отделиться на все события сегодняшнего дня.

Такое желание надо приветствовать, но им ни в коем случае нельзя оправдывать массу небрежностей и отклонений по существу песен, которыми сейчас забиты полки нотных магазинов.

Чем, как не погоней за «актуальными темами», можно объяснить выпуск в свет песни «Письмо пограничника», имеющей подзаголовок — Комсомольская песня. Автор этого произведения — Александр Лукин — опьяняет высокое чувство патриотизма и любви к родине, чувству, которое нашло свое лучшее выражение в славной пограничной традиции — брат за брата. Вот что он пишет:

Эх дупа, желанный друг, Наташка!
Как не вспомнить сердцу о любви?
Мне с тобою быть в разлуке тяжело.
Но меня к себе ты не зови.

Знаю я, попрережму добра ты,
Знаю я, не плачет больше мать.
Брат убит — я встал на место брата,
Чтоб границу нашу защищать!

Эта пошлая страшилка выпущена издательством «Искусство» под редакцией С. Рыжова.

Но Лукин вызывает меньшую досаду, чем такой «песенный мастер», как С. Болотин, с произведениями которого мы встречаемся на каждом шагу.

Чрезвычайно плохой поэт С. Болотин в последнее время бесконечно умножил количество продукции, снизив в такой же мере ее качество. Он не только «отключается» на все темы дня, но с большой охотой и легкостью, которой может позавидовать любой лингвист, переводит песни с каких угодно языков. Разнообразие его тематики поистине необычайно. Он прекрасно приспособился ко вкусу и требованиям редакторов. Можно быть уверенным, что если в тематическом плане издательства не заполнена графа — «лирические песни», то С. Болотин наверняка откликнется и на это, сочиняя «лирические» стихи, которые какой-нибудь невзыскательный композитор тут же положит на музыку.

Вот «лирические» стихи С. Болотина, выпущенные издательством «Искусство» под редакцией все того же неутомимого С. Рыжова. Стихи эти, названные «Баллада о гусе» и снабженные композитором пометкой «торжественно», заслуживают быть приведенными целиком:

Жил-был в сарае важный гусь,
Таких красавцев мало!
При нем любой забыл бы грусть...
...И вдруг гусь не стало!
Бежит за ним деревня вся,
Дрожит земля сырая.
«Лови гуся! Ищи гуся!»
...А гусь — в углу сарая!...
Вот так, мой друг, и мы с тобой —
По нему шарим взглядом:
— Где счастье в бездне голубой?
А счастье с нами рядом...

Пусть эти, проникнутые «глубокой философией», куплеты, которые нам предлагают исполнять не иначе, как «торжественно», послужат живым укором для всех, кто холодно, бездумно и легкомысленно берется за работу в труднейшем, но благодарнейшем песенном жанре.

60-летие П. Бажова

28 января уральская общественность отмечает 60-летие со дня рождения и 20-летие литературной и журналистской деятельности Павла Петровича Бажова.

Сын рабочего Сысертского завода, член ВКП(б) с 1918 года, активный участник гражданской войны, П. Бажов является одним из виднейших уральских писателей. Прекрасный знаток Урала, Бажов посвящает его изображению свои основные произведения — очерки «Уральские былы» (1924 г.) и книгу «Уральские рабочие сказы» — «Малахитовая шкатулка».

(1936—1938 гг.). Лучшие произведения собраны в «Малахитовую шкатулку» — «Дорогое имячко», «Медной горы хозяйка», «Башенный цветок» смело могут быть поставлены по своей реалистичности и художественности в один ряд с «Уральскими сказками» Мамина, с лучшими произведениями Поповцова и др. дореволюционных уральских писателей.

Шестидесятилетие со дня рождения застает П. П. Бажова в расцвете творческих сил; писатель работает над новыми произведениями.

Выставка памяти П. Г. Шевченко в Киеве. Рисунок Т. Г. Шевченко «Арест Пугачева».

ПРАКТИКА

О ПОРТРЕТЕ

НИКОЛАЙ МОСКВИН

На радугу, которую видно в течение четверти часа, не смотрят более.

Геть.

1. Искусство портрета, вероятно, одно из самых трудных и хитрых.

Сколько раз мы, по простоте душевной, навешивали на своих героев бороды — черные, курчавые, лопатой, замком, клинушкой. Усы — пышные, подстриженные, вислые. На женщинах испорчено одеяльные парики — безукорные, пепельные, цвета вороньего крыла, цвета соловья. Глаза тоже был широкий выбор: голубые, карие, серые, холодные, суровые. Дальше шла обжужа-обжужа...

Казаюсь бы, все хорошо! Но этот спортер исчезал быстрее, чем радуга. Не через пятьдесят минут, а как только читатель перевернул страницу.

Вероятно, когда-то это было введено из живописи; там выписывались красками, здесь описывались словами.

«Молодость, свежеть и нежность лица (Софья Малинская), слегка «отуманенного грустным выражением, томный восторг, поющий голос взводилои всех ласточек бала»...

(А. Ф. Вельямин, «Чудолей», 1864 г.). У Тургенева еще ближе к живописи. Даже прямое сравнение со старым полотном:

«...высокого роста женщина, лет тридцати, с темнорусыми волосами, смуглым, но свежим... лицом, напоминавшим облик Сикстинской мадонны, с удивительными глубокими, бархатными глазами».

К нам это пришло не только по литературной инерции, но и потому, что такой, очень внешней портрет со временем стал общепонятен для литераторов. «Объект» требуется слишком конкретным «божественного глагола», чтобы из набора волос, глаз, губ, носов, взоров — отобрать желаемое и пустить в ход. О результате как-то не думается. Есть уверенность, что должно получиться. Из окрашенных бордов усов, из томного взора и длинного носа

должен читатель возникнуть внешний облик человека. Но не возникает! Редкий случай в арифметике, когда есть слагаемые, но нет суммы. Причем складываются не 5 селенок, 4 невесты и 7 пеньных труб, — нет, слагаемые стоят в одном ряду: внешние черты человека. А суммы все же нет.

«Путники, молодой сутулый блондин, лысый, с мертвенно-бледным лицом».

Или:

«Литвиненко, — бледный, рыжеватый блондин с глубоко запавшими темными глазами».

Или — об одном из главных персонажей романа:

«...молодецкий, красивый, с белокурыми усами».

«...изящно каким-то мучникой — выскоким, красивым, со светлыми усами».

(В. Лосев, «Молодой человек», 1898 г.).

Многие писатели, зная, что бесприторное перечисление внешних черт все равно биологического облика героя не создает у читателей вообще от портрета. Все эти внешние переписки на внутренний мир героя — на характер, поступки, мысли. Читатель начинает ощущать человека, но отсутствие внешнего облика мешает воспринять образ до конца. Так, если поставить графин с водой на мороз, то стекло вскоре треснет, опадет, и у нас будет кусок льда в форме графина. Этой ледяной графин, хотя и напоминает настоящий, но нет прозрачности стекла, бликов стекла и т. д.

Внутренний мир Миши и Клавдии в романе «Высокое давление» Л. Соловьева показан довольно разумительно: мы их в какой-то мере ощущаем. Но хотелось бы не менее отчетливо и увидеть! Но нет, Миша — вообще юноша, Клавдия — вообще девушка. Их мы часто встречаем в фильмах на спортивную тему. Он — «стройный, крепкий, только слишком серьезные». У нее — «ничточки бровей» и «орлиные глаза, к которым идет шелковая косынка».

Это, конечно, ничего не прибавило к общему образу Миши и Клавдии. Упоминаем же о «стройности» и о «орлиных глазах» пришло по инерции. Почему это и не напишу о цвете глаз, если до меня писали? И какие люди писали!

Передают, что авторы широко известного у нас романа вдруг стали припоминать: а какого же цвета глаза у главного героя — черные или голубые? Пришлось листать весь роман. И на какой-

то странице цвет глаз героя был наконец установлен. Это не принесло авторам ни радости, ни горя (было удовлетворено только любопытство), ибо герой, имея внутренний и внешний облик, прекрасно жил в памяти читателя и без цвета глаз.

2. Все согласны с тем, что у Льва Толстого нет соперников в изображении внешности человека посредством слова.

Среди доказательств этого положения обычно приводят образ жены князя Андрея — Лизы Волконской. Речь идет о знаменитой и ставшей теперь даже хрестоматийным примером — короткой губке княгини.

«...маленькая, хрупкая блондинка с большими черными глазами. Это неожиданное сочетание темных глаз со светлыми волосами привлекало к ней особенное внимание».

Это замечание автором как особая примета — тому порукой «неожиданное сочетание» и «привлекало особенное внимание». Но вскоре мы убеждаемся: метка. Ибо это «неожиданное сочетание», не получив жизни и оправдания в повести, осталось на первой странице, как метка на уголке скатерти.

3. Но какую же роль играет «верхняя губка» в образе Лизы Волконской на самом деле? Только ли она создает образ княгини?

Можно произвести недликатный опыт: прочесть все о княгине Волконской, пропуская упоминание о «губке». И образ этой женщины останется в памяти читателя. Почему? Да потому, что оставшееся еще очень много.

Если бы мы захотели «не узавать» значение Большого театра в Москве, то недостаточно было бы увести бронзовых лошадей с крыши. Нет, надо еще было бы убрать характерные для фасада этого театра колонны, уменьшить размеры здания и, вероятно, перенести его из родной, обжитой местности — Свердловского площади — в другой район Москвы.

Чтобы «не узавать» маленькую княгиню, от ее образа недостаточно отнять «губку». Нет, надо было бы еще отнять:

«Всем было весте смотреть на эту, полную здоровья и живости, хорошенькую будущую мать, так легко переносившую свое положение. Старикам и скучающим мрачным молодым людям, смотрящим на нее, казалось, что они сами делаются похожими на нее... Кто говорил с ней и видел при каждом слове ее светлую улыбку и блестящие белые зубы, которые выдвигались

беспременно, тот думал, что он особен-но нынче любезен».

И это отнять!

«Переваливаясь, маленькими быстрыми шажками обошла стол сработчей сумочкой на руке и, весело оправляя платье, села на диван, около серебряного самовара, как будто все, что она ни делала, было увеселение для нее и для всех ее окружающих».

И это:

«Заговорила княгиня таким капризно-ириным тоном, каким она говорила с Ипполитом в гостиной и которая так, очевидно, не шед к семейному кружку»...

И это:

«Вдруг сердитое беличье выражение красного личика княгини заменилось привлекательным и возбуждающим контрастом выражением страха: она исподлобья взглянула своими прекрасными глазами на мужа, и на лице ее появилось то робкое и признающееся выражение, какое бывает у собак, быстро, но слабо помахивающей опущенным хвостом».

И так далее.

Если мы отнимем все это, маленькую княгиню на двадцати страницах романа (II—VI главы) мы «не узаваем». Ибо тут дано все главное, весь рисунок женщины — ее обаяние, ее улыбка, ее походка, ее веселость, ее грация, тон ее разговора. Она тут, в самом начале романа показана и в радости, и в гневе, и в примирении.

Но можно сказать: речь ведь шла о губке княгини, о «внешней черте», а здесь, главным образом, черты характера?

Но в том-то и дело, что и сама «короткая губка», эта «телесная примета», присутствует в романе не как яркая губка красавицы, намазанной на конфетной корочке, — не как лезвие на столовом серебре, — то есть бездушно, безжизненно и случайно, а как осязательно-зрительно отражение душевного состояния женщины.

«Тон ее уже был ворчливый, губка подымалась, придавая лицу не радость, а зверское, беличье выражение».

Или:

«Княгиня ничего не сказала, и вдруг короткая с усиками губка задрожала...»

И позже — за пределами этих взятых со страниц романа — мы найдем аналогичное.

Тут и заключается главное: внешний портрет у Л. Толстого неотделим от внутреннего.

В романе Л. Леонова «Дорога на океан» у одного героя длинные желтые зубы. Эта «телесная примета» дана не сама по себе. Нет, она напоминает другому герою романа прокурора, который когда-то был в его жизни. Неприятное ощущение прошлого переносится на телесное обладателя длинных желтых зубов. И не без основания. Об одном только надо пожалеть: что эта примета с середины романа забита автором, хотя названный человек еще живет и действует в произведении.

4. Толстого не привлекало безжизненное описание внешних черт человека, тем паче он не накладывал простое тавро на своих героев. Все эти «голубые глаза» и «родинки на щеке», если они не раскрывают какую-то часть внутреннего мира героя, отбрасывались.

Маршала Даву он изображает без всяких внешних черт. А вместе с тем это Аракчеев императора Наполеона в 17 строк отчетливо выступает перед читателем. Да и чем обогатился бы образ этого «волка в овечьей шкуре», если бы Толстой прибавил к нему «телесные приметы»: «те тут думать о счастливой стороне человеческой жизни, когда, вы видите, я на бочке сижу в грязном сарае и работаю!» В этом психологическом портрете как бы «внешней чертой», «особой приметой» служит «стол, состоящий из дери, на которой торчали оторванные нетли, положенная на два бочонка» (статья, поразительно: за этой подробностью возникает у читателя: настоящий стол, конечно, был, но мрачный маршал приказал для стола оторвать дери, найти бочонки...).

«...если «телесная примета» раскрывала внутренний мир героя, — Толстой вводил ее, холма же. На той же художественной высоте, как и губка княгини, находились и «чуть косищие глаза» Катюши Масловой. И эти глаза, и чистый пердик, и только что вынутый из обертки луштык кусок мыла с отпечатанными буквами — все это, при появлении Катюши, создает Неклюдову образ чистоты, свежести, нетронутости...»

Такой «телесной приметой», конечно, нет ценя.

Литературная газета

№ 5

Окончание. Начало см. стр. 1.

АГРАФЕНА (с поджатыми губами). Так...

КУКУЕВ. Извинюсь, кстати, пошлите у вас найдется?

АГРАФЕНА (с сердцем Лаврентия). Эй, зачерпни там, в кадлушке. И какое же, ма-тушка...

ОСТАЕВА. Вы про нас? Швейное. И за-казчики были тоже все зажиточные... Аз-вакаты! Даже один управляющий был. На железной дороге. Делом управлял.

Лаврентий полагает ковш Кукуеву. Тот пьет, видимо наслаждаясь.

АГРАФЕНА (уныло). Пальцы, измяшь-ность, шили, али форменное что?

ОСТАЕВА. Нет, мы верхнее не любили шить. Мы больше нижнее шили. Рубашки там, сорочки... Ну, и все, что ниже, тоже шили.

КУКУЕВ. Беловшивное производство! (Очень благодарно). Вогу, извинюсь, с колоды берете или из горюгу пользуетесь?

Лаврентий. С колоды-с. Многие не верят. (И посмотрел на Аграфену, — так ли сказала).

АГРАФЕНА (сердито). Или в чулки, батюшка. Глаза, нет ли там мыши... (Пауза). Беловшивное-то мне знакомо. Вы-за у меня одна швей. Это очень хорошо: как песню заводят, машины застучат... ну, ровно на парохде вальд ешь. И ка-питалу прибавление. (Осторожно). Народу-то много у вас работало?

КУКУЕВ (кладя руку на усы). Перед зеркалом сидеть — так четверо, хо-хо-хо!

ОСТАЕВА. Не будь болван, Кукуев! (Смушенно). Вдвоем мы с сестрой ра-ботали. Потом-то уж и поперва она... (Вскликивая). Несчастная, в лестницу два кинулась.

АГРАФЕНА. С чего ж она так? (И вот, заглядывая в морские глаза Остеева). А скажите вы мне, милая, не Дашенькой ли вас зовут?

(Всеобщее потрясение. Остеева пятится, роняет кастрюлю, потом вылетает на плечо Аграфене. Беретин с нее валится. Кукуев предупредительно отодвигает стол и табу-ретки).

ОСТАЕВА (омяясь и плача). Грушюшка, что же ты мне сразу-то не открылась?

АГРАФЕНА (сражая ее в объятиях). Остень, Дашка, остень. То-то я слушаю: на машине, говорят, сидеть не любима. Я тоже, милая, не любима. Я и есть досюда не любима, Дашенька!

ОСТАЕВА. Родная ты моя, родная, тело мое...

(Кукуев возмущенно отворачивается). Фома, это Груша, что у адвоката жила. Мы и бойку-то с нею хорошили. Вдвоем, да в ложке, за гробом шли. Постереда-то ты как, Грушюшка. Борозды-то не было у тебя тут?

АГРАФЕНА. Голубов-то, милая. А что прожато! А как сывов-то в грязи да в нужде подмывали...

ОСТАЕВА (уже не помня себя). А как мы с тобой крошечничко-то делились. Сле-зой-то, слезой-то посылить не погуще...

КУКУЕВ (угоразованно). Да перестаньте вы... люди же живые кругом, с сердцами!

АГРАФЕНА. Тут уж нам навальочка на радость! (Лаврентию, выглядывающему из чулана). Эй, Фом Филин, возьми там, на столе, плодоягодную да поешь, что глянется, захвати (Вслед). Пенного-то не полей! (Лаврентий с великой охотой бежит в комнату. Кукуев зареве вынимает ножки со штормором). Шаать-то саза пи-за?

ОСТАЕВА. Только себе и шить. Зака-зы-то брать сын не дозволяет. Неудобно, говорит, чтоб в научный институт чужие люди с узлами таскались. (Яростно). Вот и отлыгало. А я заведомо при руках моих жила. Руки-то и страдают!

КУКУЕВ. Если не считать глаз и голо-вы, то главное бежать собралась. На-стеньку выдам и прощай... (Нараспев). Прощевай ты, мой милый, подполчи-ный горошок!.. Магушка, жиреть стала.

ОСТАЕВА. Ужас, ужас!

АГРАФЕНА. Попы бы помать, а они паркетные. Вдуюх бы, глядишь, помать, а не дадено. (Мечтательно). Зелены-то, по-ди, уж в шельма пошлю... (Лаврентий в комнату). Эй, там, не слышать тебя, за-ку-сываешь, что ли?

(Возвращается Лаврентий, нагруженный всякой всячиной).

КУКУЕВ (берясь за бутылку). Дозволю про-нять салу. Эх, был у меня замечатель-ный штормор, да злые люди погубили...

(Он деликатно разливает по тонюсень-ким рюмочкам, всякий раз вытирая гор-лышко чистым носовым платком, — своим).

АГРАФЕНА. Ну, со свиданьем. (Лав-рентию). Возьми себе рюмочку шельво-стого-то на радость.

Лаврентий. Нашприятнейшего время-препровождения!

(Все выпили).

КУКУЕВ. Что-то знакомое, но не могу разобрать аромату. Факт остается фактом. (Для правильной ориентации он наливает себе и Лаврентию еще по одной).

ОСТАЕВА. Ты, Фома, будто семь лет не едал, навальчиваешься!

АГРАФЕНА. А чего! Нашему брату да в носенное время не покушать? Ешь, Ку-куев. Вечины бери, а то, вот, крабы.

КУКУЕВ (Лаврентию). Краб, это есть большой паук, проживающий на морском берегу.

Лаврентий (с благодарным чувством). Разнообразие природы!

КУКУЕВ. Как, как вы заметили?

АГРАФЕНА. Или, батюшка, на место пока.

(Лаврентий уходит в чулан).

9

(Рошин на пороге, обнявшись с доче-рью).

РОШИН. Вона, мы гостей имем, а они уж песни поют.

НАСТЯ. Ну, познакомились, бабушка?

АГРАФЕНА. Родные мы оказались. (Рошину). Рубашка-то сняла ластиковая, в тюрьму тебе принесла... это она тебе шила!

ОСТАЕВА. Нет сил передать мое состо-яние. Вонюх проснуться...

КУКУЕВ. Можете не верить: всю ночь глаз не сомкнула. Женская натура вы-является загадкой для мужчаны. (Рошин смотрит на него с любовью-то). Жен-ское дядя, Фома Кукуев. Дозволюте, как невесте, поднести бесхитростный букет. (Ищет вазе, берет с плиты обгоревый ве-ничек). Винова-ат, это же черемуха была!

РОШИН. Ничего, в вазе отойдет.

НАСТЯ (прижимая к сердцу букет и в тон Кукуеву). Мерси вам от чистого серд-ца. (Отцу с торжеством). Как ты считаешь, все в порядке, Григорий?

РОШИН. Завтракать, молодежь прого-лодалась. (Уходя). Ксения, принимай го-стей!

АГРАФЕНА. Ой, забыла, пироги стоят у нас совсем... забыла!

ОСТАЕВА. Где у тебя фартур-то, давай помогу.

10

ОСТАЕВА. Ну-ка, обдерни меня сади-то. Ничего там не облыло?

АГРАФЕНА. Ладно, бери с капустой-то. Неревен, еще тарелки побойт.

(Они торжественно несут пироги. Спена повозрачиваете. Столовая. Два разнокал-берных стола накрыты одной скатертью. Тахта у стены. Букет черемухи уже в вазе. Все сидят за столом и барабанят вилками о тарелки. Женх отсутствует. Магдалини среди гостей. Появление бу-дущих бабушек с пирогами встречается аплодисментами).

11

(Дверь распахивается рынком. Точно с разбегу в ней встает длиннорукий и бо-родатый человек в меховой шапке, выки-нув куртку. В одной руке ескимская шап-ка-хлякня, в другой — большой и до от-каза набитый чемодан, который он волочит за собою).

ЛЮБА. Что... некого дома нет? А го-лова?

(В тишине он идет на середину ком-наты поднять опрокинутый стул. Из кух-ни выглядывает Лаврентий. Он выставляет руки вперед, зашпачкал, когда к нему приближается Люба).

Лаврентий. Ну, чево... чево тебе здесь?

ЛЮБА. Добежал?... Уйли.

Лаврентий. Три слова, три!

ЛЮБА. Не на людях, дурень!

15

БСЕНИЯ. (Из боковой двери). Вот, не гадали. Ты прямо с вокзала? Григорий, к нам Луза приехал.

ЛЮБА (разминая ее сплетенные руки у себя на шее). Здравствуй, сестра. Поху-ля!

РОШИН. Надо бы позвонить, чудно полярное. Я бы послал за тобой.

ЛЮБА. А я и звонил, на квартиру. Там не ответил. Я тогда напрямик сюда. Елена дома?

БСЕНИЯ. Она на погреб побежала. Ты садись, раздевайся.

РОШИН. Пирогов ему штрафную порш-то!

ЛЮБА. Сперва пить и спать. Устал за двенадцать суток. (Оглядывает стены). Все новенькое, с иголочки. Настя, небось, вы-росла?

РОШИН. Невеста, не узнаешь.

ЛЮБА. У меня для нее подарок есть. Елена злороба?

БСЕНИЯ. Она сейчас вернется. Ну, как метель на пороге?

ЛЮБА. А я, вель, собственно, на Чу-котке сидел. Дальше семидесятой парал-лели не заглядывал. (Очень размашисто). Наполео, солгна хочу. Три года ледяной ночи, это много.

РОШИН. Да, не мало. Рассказывай, рас-сказывай! (Шум в соседней комнате. Лу-га оглаживается). Гости у нас сегодня. Настасья выйдет.

17

(Пауза. Потом Елена с глиняным куш-няном).

ЕЛЕНА (протяжно и навскип). Лука! (Она стоит на месте, бессильно отки-нув голову в сторону двери. Квас льется на пол. Луза быстро подходит, берет куш-нян из ее вилых рук).

ЛЮБА. Ну... ну, не надо. Сердисьса?.. простига?

ЕЛЕНА. Не то, не то... (Луза взалобку пьет из кушняка. Жидкость течет по его бороде и платью. Он смотрит на Елену долгим взглядом и снова пьет). Как... до-екал?

НАСТЯ (выталкивает подругу). Не будте любопытны, девочки. Тут загавес опу-скается, зрители идут по домам. Пошли, пошли Андрюшка встречать.

ЛЮБА (отлаив кушняка). Хлебный! Хо-рошо. Теперь спать.

БСЕНИЯ. Ты пока ложись здесь до обеда, а я тебе кроватку приготовлю. Гри-ша, можно его с тобой на террасе по-ложить?.. Еленочка, ты заедри штормор!

ЕЛЕНА. Я ему сейчас подушку при-несу.

18

(Все деликатно ушли, кроме Кукуева и Магдалини, которые деловито пьют на брудершafft и на ухо, по-братски, братан друг друга. Кукуев кивает Магдалини на Луку и шепчет что-то на ухо).

ЛЮБА (для кн). Что он вам тут про меня сотрял? Давайте знакомиться. Сандуков.

МАГДАЛИНИ. Да он говорит, что вы с ним уже встречались.

ЛЮБА. Не припоминаю.

КУКУЕВ. Вы у меня в прошлом голу вель забрали попользоваться, да так и не отдали.

ЛЮБА. Какую вещь?

МАГДАЛИНИ. Да вещь-то, ты скажи, какую?

КУКУЕВ. А штормор. Ситро откряеть. Под Воронежом?

ЛЮБА (сносконительно хлопая его по плечу). Чудак! Я три года сидел на Чу-котке. Как же я мог к вам с Чукотки до Воронежской рукой дотронуться?

КУКУЕВ. Вы в карман-то пошарьте, может и найдется. Вель-то заветная. Там, с другой стороны, ключ насторный был.

19

ЕЛЕНА. Вот, сии. Я разбужу тебя в обеду.

ЛЮБА (удерживая ее). Ты не рада мне?

ЕЛЕНА. Рука! Руки убери...

ЛЮБА. Я одержал свое слово — вер-нуться через три года. А ты?

ЕЛЕНА. Не о том нам надо говорить, Луза. Я сон видела вчера... (Луза насто-рожился). Ты бежишь и тебя убьют. А ты не хочешь и орать бежашки.

ЛЮБА. А дальше?

ЕЛЕНА. Потом я проснулась. Я, как безумная, проползла, бросилась к окну... Дождал шел.

ЛЮБА. Чепуха! Смотри, что я тебе привез. (Он раскрывает чемодан, небреж-но выкидывает оттуда белье, вель, пошлу-ги родные). Это вость моржовая... Пошлу-ну, для смеха. Это Ксения, торбаза. Это пюхляка, Настя. А тут у меня, на самом деле... Ну, закрой глаза!

ЕЛЕНА (увидев в чемодане). Револьвер... положи назал. Какой большой! Он заря-жен?

ЛЮБА. Да. А что?

ЕЛЕНА. Убери, убери, не люблю.

ЛЮБА. Пустыня, ты сюда смотри. (Вы-хватывает из чемодана шкуру песца). Это голубой, Лена, голубой. Поглядь его!

ЕЛЕНА. Мне?

ЛЮБА. Да. Прикньи на шее.

ЕЛЕНА. Небось... корого заплать?

ЛЮБА. Нет, я сам. Тут, на лале, даже след от капкана. О, как я сосукался по тебе. Вышло, выйдешь в полдень на берег. А по-о-нь! На Беринге льды. Ветер сви-жет по развалым. В нем голоса с далекой земли. И среди них — твой. Звала меня? (Пауза).

ЕЛЕНА. Говори, говори много, чтобы я забыла свои мысли...

ЛЮБА. Не хочешь простить, что я ушел тогда, перед свадьбой. Поим — не мог. Проза не имела, нам помешали бы. А те-перь все, все ясно вперед.

ЕЛЕНА (в упор и властно). Скажи мне все... все и сразу: что ты от меня пра-чешь. Не опускай глаз скажи...

ЛЮБА. Я письма покажу тебе, кото-рые писал каждый день. И все не мог посылать. (Он копается в чемодане, стоя на коленях. В дверную щель просунулась люба Кукуева). Спроси его, Лена, что ему...

20

ЕЛЕНА. Что вам, Кукуев?

КУКУЕВ. Хотел напоследок на солныш-ко выгнать, перед тем, как закатытса!

ЕЛЕНА. Ну, посмотри и хватит. Ухо-дите, помочите себе голову.

КУКУЕВ (воидя в комнату). Скажите правду, ужаснее происхождению. (Люке). Оможите хоть папирскую.

ЛЮБА. Возьмите там, на столе.

КУКУЕВ (осмотрев портсигар). Вот, что я говорю! И портсигар тот же, что под Воронежом. Факт-то остается фактом.

ЛЮБА (продолжая копаться в чемодане). Не могу я найти этих писем...

(Вдруг раздается выстрел. Кукуев ха-ватается за венок, под пальцами просту-пает на коже красная полоса. Луза вска-кивает к нему, почти падающему).

ЛЮБА. Вас задело?

(Кукуев ошоломлено молчит, только потягивает скатерть, скомкав край в ку-лак; падает стаканы и бутылки на сто-ле).

ЕЛЕНА. Кажется, мимо. И вель гово-рила я тебе, Луза!

ЛЮБА. Вына... выпейте вина, Кукуев!

(Пауза. Кукуев открякает глаза, долго смотрит на Сандукова).

КУКУЕВ (очень тревоо и сокруив ольга глаза). Я у тебя папирскую попросил, а уж ты мне сразу и огоньку! (Отстранив руку). Ничего! Моя красота от этого не погубнет.

ЕЛЕНА. Возьмите же папирскую-то!

КУКУЕВ. Извинюсь, я не курящий.

(И он уходит, пятясь спиной).

21

(Елена одну за другой открывает двери. Воду тучко. Она выглядывает за штору Воронежом?)

ЕЛЕНА. Все ушли. Хорошо еще, никто не слышал. Неужели же ты меня ре-знуешь даже и Кукуеву?

ЛЮБА. Спа-ать! (Она хочет уходить, он схватил ее за край платая). Нет, нет... видеть тебя я хочу еще сильнее. (Мах-нув рукой). Нет, опять еще больше хочу. Не забыть, его фамилия Лу-ку-ев... Ну, теперь уходи. Разбуди меня... через год! (Он вытискивает на тахту, отбегает под себя подушку и валит и засыпает лицом веник, почти мгновено. Елена стоит над ним в сматенной).

ЕЛЕНА. Зачем же ты не хочешь гово-рить со мною, Луза?

22

Лаврентий (шпотором, с кухни). Что, началось? Можно мне теперь к нему?

ЕЛЕНА. Завтра, завтра... Спит!

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.

22 августа 1883 года русская литера-тура и русское общество понесли ско-рубую утрату: не стало Туренева.

В современной русской беллетристиче-ской литературе нет ни одного писателя (за исключением немногих светерников по-койного, одновременно с ним аступивших на литературное пошрище), который не имел в Туреневе учителя, и для которого произведение этого писателя не послужило отправным точкою. В современной русской литературе едва ли найдется кто одно круп-ное явление, к которому Туренев не от-несся с изумительнейшей чувствостью, ко-торого он не попытался использовать.

Литературная деятельность Туренева имела для нашего общества руководящее значение, равное с деятельностью Некра-сова, Белинского и Добролюбова. И как ни замечательны сам по себе художественный талант его, но не в нем заключается тайна той глубокой симпатии и сердечных привязанностей, которые он сумел пробудить к себе во всех мыслящих русских людях, а в том, что воспроизведенные им жизненные образы были полны глубоких поучений.

Туренев был человек высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и непоколебимую за-слугу перед русским обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в рус-ской литературе не знает. Так что если Пушкин имел полное основание сказать о себе, то же самое и с таким же справедливостью мог сказать о себе и Туренев. Это были не какие-нибудь условные «добрые чувства», согласные с тем или другим преобладающим влиянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие «добрые чувства», в основе которых лежат глубокая вера в торжество света, добра и нравствен-ной красоты.

Туренев верил в это торжество; он мо-жет в этом случае привести в свидетель-ство все единичные томы своих сочинений. Сочинения эти, неравномерные в художественном отношении, одинаково и все-таки за исключением немногих промахов, на которые своевременно указывала критика) проникнуты той страстною жаждою добра и света, неудовлетворение которой оставляет самое жгучее большое место со-

временного существования. Базаров, Ру-дьян, Исаворов — все это действитель-ные носители «добрых чувств», все это полные мученики той темной святости царицаков, которые противопоставляют добрым стремлениям свое бесконтрольное и угрюмое вол possessum?.

Здесь не место входить ни в оценку написанного Туреневым, ни в подро-бности его личной жизни. Первое — дело критики; второе — будет выполнено его биографией. Туренев имел в литерату-рном кругу много искренних друзей, ко-торые не замедлят познакомить читающую публику с этою обаятельным личностью. Тем не менее, и из личных наблюдений пишущего эти строки, и из того, что было в последние время опубликовано о Тур-еневе, можно заключить, что главными основными чертами его характера были: благосклонность и мягкосердие.

Юное Туренева было поистине стра-дальческий. Помимо неслыханных физиче-ских мучений, более года не дававших ему ни отдыха, ни сна, он еще беско-нечно терпел и от нездоровости гулаших соотечественников. В последние два жизни раздражение его против праздношатаю-щихся доходило до того, что приближенные опасались передать ему просьбы о сви-дании, идущие даже от людей, которых он несомненно любил.

Зачиная здесь нашу коротенькую за-метку о горькой утрате, понесенной нами, мы невольно спрашиваем себя: что сделал Туренев для русского народа, в смысле простонародья? — и не обинуясь отве-чаем: несомненно сделал очень многое и посредством, и непосредственно. Посред-ственно — всю совокупностью своей ли-тературной деятельности, которая значе-тельно повысила нравственный и умствен-ный уровень русской интеллигенции; непосредственно — «Записками олитни-ка», которые положили начало новой ли-тературе, имеющей своим объектом народ и его нужды. Но знает ли русский народ о Туреневе? знает ли он о Пушкине, о Гоголе? знает ли о тех легковах менее знаменитых тружеников, которых сердца истекли кровью ради него? — вот во-прос, над которым нельзя не задуматься.

Впрочем, это вопрос не исключительно русский, но и всемирный.

«Отечественные записки», 1883 г., № 9, стр. 1-2; начатая в траур-ной рамке не полна.

* Письма.

За последние годы, главным образом благодаря работам С. С. Боршевского, было выделено большое количество неизвест-ных статей и рецензий Щедрина, напечатанных анонимно в редакторирующихся Щедриным «Отечественных записках» (см. т. VIII, Подл. общ. соч. Щедрина, над. Гос. изд. худ. лит.). К разряду таких статей принадлежит и публикуемая некро-логическая принадлежность которого перу Щедрина настоящим угадывались впервые. Следующие соображения приводят к выводу о том, что автором этого некролога является именно Щедрина.

Во-первых, в самом тексте некролога содержится прямое указание на то, что автор этой статьи был лично знаком с Тур-еневым, имел возможность наблюдать его характер и образ жизни, причем встречался с Туреневым и за границей, где видел, как Туреневу досаждали «гулящие соотечественники». Такого рода некроло-гическая статья, среди ближайших сотрудников «Отечественных записок» мог написать весьма ограниченный круг лиц. Возможными авторами такой статьи являются: Щедрин, Елисейев, Михайловский, Сабель-ников, Кривоноз. Но Елисейев находился в августе 1883 года за границей и в ра-боте редакции «Отечественных записок» тогда не участвовал. Данных о сколько-нибудь близком знакомстве Михайловско-го с Туреневым нет, причем Михайловский, вообще склонный вылетать в свои критические статьи воспоминания о писа-теле, произведения которого он в данном случае анализировал, не дал такого мему-арного материала в статье о Туреневе, по-мощенной в том же самом номере «Отечественных записок» («Письмо в редак-цию» Постороннего, стр. 80-89 второго отдела), в котором был напечатан и пу-бликуемый некролог. Сказавшийся в своих «Литературных воспоминаниях» ничего не сообщает о своем знакомстве с Турене-вым, хотя упоминает его имя много раз. Подробные воспоминания о своих встре-чах с Туреневым оставил С. Н. Кривоно-зов, но он говорит о своем «непродолжи-тельном знакомстве» («И. С. Туренев в воспоминаниях революционеров-семидесяти-ников» Academia, 1930, стр. 215) с автором «Отцов и детей», причем все эти встречи, числом около 5, происходили в приезде Туренева в Петербург! И только Щедрин был близко знаком с Турене-вым, поддерживал с ним переписку и, что особенно для нас в данном случае важно, наблюдал жизнь Туренева за гра-ницей. Последние встречи Щедрина и Туренева за границей имели место в Париже осенью 1881 года: Щедрин писал В. П. Гаврилкому 25 сентября 1881 года из Парижа: «Туренева видел 3 раза...» (Неизд. письма, Academia, 1932, стр. 92).

Во-вторых, та характеристика значения Туренева в русской общественной жизни, которая содержится в публикуемом некрологе, соответствует оценкам Туренева и его творчества, встречающимся в статье, письмах и художественных произведе-ниях Щедрина. В статье «Награждение оле-синя» Щедрин называет Туренева вместе с Гоголем и Белинским среди деятелей, которые «оказали русскому самосознанию услуги неопределимые» (Полн. собр. соч. изд. Гос. изд. худ. лит., т. VIII, стр. 82). Щедрин находил в творчестве Туренева начало любви и света, во всякой строке бывшее живым ключом...» (т. XVIII, стр. 144). Щедрин видел в Тур-еневе крупнейшего представителя переело-вой, западнической дворянской «литерату-ры сороковых годов», которая «уже тем одним оставила по себе неизгладимую па-мять, что она была литературой серьез-но убежденной» (т. XIII, стр. 299). Щед-рин проводил чет

СОЗДАТЬ ЛИТЕРАТУРУ О ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ

На совещании в Наркомате Военно-Морского Флота

24 января в Народном комиссариате Военно-Морского Флота состоялось совещание писателей и руководящих работников РКВМФ, посвященное вопросу создания художественной литературы о Военно-Морском Флоте. В этом совещании, устроенном Политуправлением РКВМФ и вновь созданной Общественной комиссией ССР СССР, приняла участие народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский, заместитель наркома Военно-Морского Флота флангман I ранга т. И. С. Исаков, и о. начальника Политуправления РКВМФ бригадный комиссар т. И. П. Надежин, начальник Военно-морского государственного издательства полковой комиссар т. С. Ф. Неяда и писатели А. Серафимович, А. Новиков-Прибой, В. Вишневский, П. Вирта, Л. Славин, В. Ромашов, П. Антонский, В. Малин, Э. Кацаревич, В. Коровиков, К. Симонов, Б. Левин, А. Караваев, Л. Рубинштейн, К. Левин, С. Вавенцев, Н. Шпанов, Е. Горбатов, Ц. Иванова.

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот. Задача писателей, инженеров, художников, поэтов, писателей, писателей-маринистов, которые не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Е. ПЕЛЬСОН

Флота, о громадном развороте и перспективах этого строительства, о тех задачах, которые в связи с быстрым развитием советского флота стоят перед его командованием.

— Необходимо, — говорил А. С. Новиков-Прибой, — рассказать о замечательном русском мореплавателе Ушакове — современнике английского мореплавателя Нельсона. В то время как в Англии существует огромная, многолетняя литература о Нельсоне, к стыду русских писателей, об Ушакове написано всего один том. Большой интерес может представлять для писателей биография такого человека, как адмирал Синявин, отдавшего все свое состояние на строительство флота и умершего в нищете.

А. Серафимович, В. Вишневский, Л. Рубинштейн, С. Вавенцев, К. Левин и Н. Шпанов говорили, что без настоящего знания материала немаловажна серьезная работа писателя.

Во. Вишневский внес в связи с этим ряд конкретных предложений для укрепления связи писателей-маринистов с руководящими работниками, издательством и периодической печатью Военно-Морского Флота.

— Надо в первую очередь, — сказал В. Вишневский, — выявить кадры писателей, связанных с морской тематикой. Для этого надо теперь же провести аналогичные совещания писателей с руководящими работниками флота — в Ленинграде, Киеве, Севастополе и других городах.

Кроме того, задача советских писателей — помочь Военно-морскому издательству выпустить серию старинных флотских романов, сборников, песен, стихов и легенд и новых морских советских произведений. Авторами этих произведений должны быть не столько квалифицированные писатели-маринисты, которых не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Затем выступил с речью народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский.

— Энтузиазм советского народа, — говорит т. Фриновский, — участвующего в создании большого военно-морского флота, — огромный. Необходимы готовность и желание советских граждан идти служить во флот. Но не только те, кто стремится служить во флоте, а весь народ хочет знать о созидательной работе Красного Флота, о гигантски растущей его мощи, о том, как живут советские моряки. Народ требует книг о флоте, а писатели мало пишут о нем. Труд и быт советского краснофлотца резко изменился по сравнению с дореволюционным временем. Неузависимы вопросы культурный уровень. Эти изменения и должны показать писатели, которым надо близко познакомиться с жизнью Красного Флота.

Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота флангман I ранга И. С. Исаков рассказал писателям о строительстве большого Военно-Морского Красного

Литературные канцелярии

На последних выборах в Народный комиссариат Военно-Морского Флота состоялось совещание писателей и руководящих работников РКВМФ, посвященное вопросу создания художественной литературы о Военно-Морском Флоте.

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот.

Кроме того, задача советских писателей — помочь Военно-морскому издательству выпустить серию старинных флотских романов, сборников, песен, стихов и легенд и новых морских советских произведений. Авторами этих произведений должны быть не столько квалифицированные писатели-маринисты, которых не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Затем выступил с речью народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский.

— Энтузиазм советского народа, — говорит т. Фриновский, — участвующего в создании большого военно-морского флота, — огромный. Необходимы готовность и желание советских граждан идти служить во флот. Но не только те, кто стремится служить во флоте, а весь народ хочет знать о созидательной работе Красного Флота, о гигантски растущей его мощи, о том, как живут советские моряки. Народ требует книг о флоте, а писатели мало пишут о нем. Труд и быт советского краснофлотца резко изменился по сравнению с дореволюционным временем. Неузависимы вопросы культурный уровень. Эти изменения и должны показать писатели, которым надо близко познакомиться с жизнью Красного Флота.

Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота флангман I ранга И. С. Исаков рассказал писателям о строительстве большого Военно-Морского Красного

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот.

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот.

Кроме того, задача советских писателей — помочь Военно-морскому издательству выпустить серию старинных флотских романов, сборников, песен, стихов и легенд и новых морских советских произведений. Авторами этих произведений должны быть не столько квалифицированные писатели-маринисты, которых не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Затем выступил с речью народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский.

— Энтузиазм советского народа, — говорит т. Фриновский, — участвующего в создании большого военно-морского флота, — огромный. Необходимы готовность и желание советских граждан идти служить во флот. Но не только те, кто стремится служить во флоте, а весь народ хочет знать о созидательной работе Красного Флота, о гигантски растущей его мощи, о том, как живут советские моряки. Народ требует книг о флоте, а писатели мало пишут о нем. Труд и быт советского краснофлотца резко изменился по сравнению с дореволюционным временем. Неузависимы вопросы культурный уровень. Эти изменения и должны показать писатели, которым надо близко познакомиться с жизнью Красного Флота.

Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота флангман I ранга И. С. Исаков рассказал писателям о строительстве большого Военно-Морского Красного

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот.

Кроме того, задача советских писателей — помочь Военно-морскому издательству выпустить серию старинных флотских романов, сборников, песен, стихов и легенд и новых морских советских произведений. Авторами этих произведений должны быть не столько квалифицированные писатели-маринисты, которых не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Затем выступил с речью народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский.

— Энтузиазм советского народа, — говорит т. Фриновский, — участвующего в создании большого военно-морского флота, — огромный. Необходимы готовность и желание советских граждан идти служить во флот. Но не только те, кто стремится служить во флоте, а весь народ хочет знать о созидательной работе Красного Флота, о гигантски растущей его мощи, о том, как живут советские моряки. Народ требует книг о флоте, а писатели мало пишут о нем. Труд и быт советского краснофлотца резко изменился по сравнению с дореволюционным временем. Неузависимы вопросы культурный уровень. Эти изменения и должны показать писатели, которым надо близко познакомиться с жизнью Красного Флота.

Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота флангман I ранга И. С. Исаков рассказал писателям о строительстве большого Военно-Морского Красного

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот.

Кроме того, задача советских писателей — помочь Военно-морскому издательству выпустить серию старинных флотских романов, сборников, песен, стихов и легенд и новых морских советских произведений. Авторами этих произведений должны быть не столько квалифицированные писатели-маринисты, которых не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Затем выступил с речью народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский.

— Энтузиазм советского народа, — говорит т. Фриновский, — участвующего в создании большого военно-морского флота, — огромный. Необходимы готовность и желание советских граждан идти служить во флот. Но не только те, кто стремится служить во флоте, а весь народ хочет знать о созидательной работе Красного Флота, о гигантски растущей его мощи, о том, как живут советские моряки. Народ требует книг о флоте, а писатели мало пишут о нем. Труд и быт советского краснофлотца резко изменился по сравнению с дореволюционным временем. Неузависимы вопросы культурный уровень. Эти изменения и должны показать писатели, которым надо близко познакомиться с жизнью Красного Флота.

Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота флангман I ранга И. С. Исаков рассказал писателям о строительстве большого Военно-Морского Красного

Историческое решение партии и правительства — создать большой океанский флот, — сказал в своем выступлении тов. Надежин, — осуществляется Народным комиссариатом Военно-Морского Флота и всем народом нашей великой страны.

Осеню на Балтфлоте, — рассказывает т. Надежин, — умер один из младших командиров. О смерти командира дали знать его матери. Она приехала проститься с умершим сыном, но приехала не одна, а со вторым своим сыном, которого отдала во флот и просила командование воспитать его таким же мужественным и героичным, каким был его брат. Так священный патриотизм нашего народа помогает нам создавать мощнейший, непобедимый Красный Флот.

Кроме того, задача советских писателей — помочь Военно-морскому издательству выпустить серию старинных флотских романов, сборников, песен, стихов и легенд и новых морских советских произведений. Авторами этих произведений должны быть не столько квалифицированные писатели-маринисты, которых не так-то уж много, сколько молодые авторы из среды советских моряков.

Тов. Фриновский, подводя итоги совещания, призвал писателей к более тесному сотрудничеству в краснофлотских изданиях, предостерегая их вместе с тем от того, чтобы их работа в морском флоте не носила кампанейского характера. Создание литературы о Военно-Морском Флоте — это длительная, многолетняя работа. Тов. Фриновский обещал всестороннюю поддержку и помощь со стороны наркомата писателям, которые захотят работать над произведениями о Военно-Морском Флоте.

Затем выступил с речью народный комиссар Военно-Морского Флота командарм I ранга т. М. П. Фриновский.

— Энтузиазм советского народа, — говорит т. Фриновский, — участвующего в создании большого военно-морского флота, — огромный. Необходимы готовность и желание советских граждан идти служить во флот. Но не только те, кто стремится служить во флоте, а весь народ хочет знать о созидательной работе Красного Флота, о гигантски растущей его мощи, о том, как живут советские моряки. Народ требует книг о флоте, а писатели мало пишут о нем. Труд и быт советского краснофлотца резко изменился по сравнению с дореволюционным временем. Неузависимы вопросы культурный уровень. Эти изменения и должны показать писатели, которым надо близко познакомиться с жизнью Красного Флота.

Заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота флангман I ранга И. С. Исаков рассказал писателям о строительстве большого Военно-Морского Красного

Премьера оперы «Дарзавское ущелье» в театре имени К. С. Станиславского. Липинов — артистка Л. В. Воздвиженская, Айша — ее мать, заслуженная артистка РСФСР М. С. Гольдина. Фото С. Шингарева.

СНОВА БЛЮМ...

Едва докладчик тов. Емельянов произнес последние слова своего доклада об «Исторической теме в советской драматургии», как поднялся В. Блюм, неторопливо надел пенсне, аккуратно вынул из кармана исписанные листочки, отложил их и начал методически читать их один за другим. Блюм слово в слово, с незначительными пропусками, оглашал тот самый «документ», который не так давно «порядовало» секцию драматургов и который строго осудила редакция «Литературной газеты».

Выступил В. Блюм глубоко возмущенно, собранным в ВТО. За последние времена Блюму успел ответить только М. Гус, и заседание было отложено, причем для участия в прениях записались почти все присутствовавшие на собрании критики.

Блюм продолжает утверждать, что в литературе и в искусстве советские художники не только могут, но и должны искажать историю. Он провозглашает, что тезис Покровского о «политике, опрокинутой в прошлое», является непреложным законом художественного творчества.

Блюм подводит и «философскую» базу под свои утверждения: по его мнению, художник не может не глядеть в прошлое, так как прошлое не может быть познано средствами художественного мышления; а зрители все равно не способны поверить в достоверность изображаемых прошлых эпох, событий, людей. Итак, по Блюму, искусство вызывает лишь иллюзии.

Не приходится после этого удивляться хулиганским выпадам, которыми «сдобрил» свою статью В. Блюм. «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука охотно рекомендовал бы самый реакционный министр народного просвещения Николая П. Шварц; он не постыдился глумливо отозваться об С. Эйзенштейне и утверждать, что Пурликевич, Гучков и Миллюков обладала бы авторов песни «Люди Берлина»... Это переходит уже в политическое хулиганство.

Проблема, поставленная на собрании секции критиков и театроведов ВТО — «Историческая тема в драматургии» — очень важна и остра. Для плодотворности этой дискуссии нужно сразу же с негодованием отбросить в сторону блюмовские антимарксистские «теоремы».

А. МАЦКИН «МАСКАРАД»

Есть нечто удивительное в судьбе этого последнего спектакля русского императорского театра. В утилах Петербурга уже начиналась революция, уже раздавались выстрелы у Зимнего, когда впервые на сцене Александринского театра был сыгран «Маскарад». Нетрудно представить себе, какой исторической бедстватостью казался тогда этот амбициозный спектакль, весь в позолоте, в смуглом мерцании свеч. Газеты предвещали «Маскараду» недолгую жизнь. Критики язвительно писали, что мейерхольдовское создание умерло, не успев родиться. Пророчества эти, как мы видим, не сбылись. На днях состоялась премьера возобновленного «Маскарада». Это единственный спектакль такой долгой жизни в Ленинграде.

В чем же секрет долговечности «Маскарада»? В нетленной красоте лермонтовского стиха? Или в том, что режиссер и актеры сохранили всю свою деятельную энергию? Или, наконец, в том, что на складах старой Александринки уцелела декорация, когда-то прославившая премьерой? Все это обстоятельство, конечно, немаловажно. Но почему же в таком случае сошли со сцены другие, созданные в тот же период классические спектакли?

«Маскарад» сохранился на долгие годы потому что наиболее полно выразил свое время и его стиль. В этом спектакле мы видим не только reminiscence художника, бросающегося из одной крайности в другую — от северного петербургского ампира к наторьялам, к галантному жанру старой королевской Франции. В «Маскараде» — смятение, тревога, борьба стилей. Это не столько Лермонтов, воссозданный усилиями Мейерхольда, Голонина, Глаунова и Юрьева, сколько сама современность, 1917 год, дореволюционный буржуазно-дворянский Петербург, охваченный предчувствием неотвратимых событий.

Искусство, в котором сохраняется трепет и волнение своего времени, надолго остается в памяти. Вот почему мы видим в третьей редакции «Маскарада» не новую постановку лермонтовской пьесы, а реставрацию спектакля, который только и мог быть поставлен в феврале 1917 года. Таким образом, можно сказать, что интерес к мейерхольдовскому «Маскараду» — это, в какой-то степени, интерес к музейному памятнику, что с таким же к музейному памятнику, смотрим «Парижанку» Чаплина. Есть этот музейный холодок в «Маскараде»? Зритель долго застывает, прежде чем становится

Теперь весь интерес должен быть сосредоточен на главном — на трагедии Арбенниа. Мейерхольд ушел вглубь танцующей пары, в сцене маскарада меньше музыки, меньше нестрогой и суетности.

Но какую позицию Мейерхольд занял в старом споре о том, кто такой Незнаестный в «Маскараде»? Раньше Незнаестный появлялся в маске. Он возникал как рок, как некое высшее предопределение. Теперь с Незнаестного сняли маску. Чисто бытовые мотивы толкают его к месту. Семь лет назад Арбенниа обиграл Незнаестного, исключил его судьбу, заставил пережить тяжелые унижения. В самые трагические для Арбенниа минуты он является, чтобы напомнить о своем существовании. Тут сразу возникает множество вопросов. Если Незнаестный в самом деле только жертва чужести Арбенниа, то почему Лермонтов не дает ему имени, почему в сцене маскарада его появление так неожиданно и неоправданно, почему он называет себя «добрый тенем» Арбенниа? Почему он говорит, что он всегда с ним, «всегда с другим лицом, всегда в другом ракурсе», почему он знает его его дела и мысли?

Нельзя представлять себе Незнаестного вполне реальным, конкретным человеком, одержимым волей к мести. У Лермонтова это — второе лицо Арбенниа, голос его совести, прошлое, которое цепко держит его в своей власти. В появлении Незнаестного не должно быть ничего мистического, и в то же время он не должен быть имажером, оставившим на карточном столе отцовское состояние. Возможно ли это? Совместимо ли с реалистическим толкованием пьесы? Мейерхольд, которого столько упрекали в вольном обращении с классиком, по мнению текстоведов-лермонтоведов, на этот раз проявил недальновидность и темперамент. Проф. Эйзенбаум, один из крупнейших знатоков Лермонтова, например, считает, что театр впрямую был бы отказался от IV акта, названного Лермонтовым «Неизвестный». Вместе с этим актом исчез бы и Незнаестный. Я против такого радикализма. Наше отношение не было бы решено путем исключения одного неизвестного. Если «Маскарад» — трагедия, я не мелодрама, — а мы в этом убеждены, — то появление символической фигуры Незнаестного находит свой смысл и оправдание. Устраняя блюмовское, не надо устранять лермонтовское.

Если бы Мейерхольд теперь ставил лермонтовскую пьесу, мы уверены, что спектакль его не только не походил на нынешний «Маскарад», где весь талант режиссера был направлен на то, чтобы изменить уже существующее, а не создать нечто новое.

От Мейерхольда хочется требовать боль-

шного. Когда руководители театра им. Пушкина спросили, что дал его театру Мейерхольд, он ответил: «Научил актеров культуре мизансцены». Искусство мизансцены действительно всегда поражало в работах Мейерхольда. Его чувство пластичности очень ценно Станиславский.

Но Станиславский и все мы ценили и ценим в Мейерхольде, в человеке, много и тяжело ошибавшемся, прежде всего потому, что глубоко чувствующем и любящем театр художника, поэтического в его даровании. Именно ту поэзию, которая выступает против театральной обидности, против ремесленной призрачности, против «канарейничности», против ученого бюрократизма, против убогого художонского конструктивизма, которому когда-то отдалась и сам Мейерхольд.

Поэзия, хотя и охранившая сознательность, живая в «Маскараде» и до сих пор. Она жива и мизансценная спектакль, в том, как танцуют, и в том, как умирает на сцене, она живет в костюмах Голонина, в нежных и сумрачных занавесах, чуть-чуть тронутых тлением (их пыталось обновить, но это оказалось невозможным), в орнаментальной и холодной музыке Глаунова.

В этом спектакле участвуют старшие актеры театра — Юрьев, Тиме, Малинин, Бельф-Израэль, Студенов и др.

Арбенниа — королева, юбилейная роль Юрьева. Мы, москвичи, очень мало знаем этого актера, самого последовательного представителя театрального направления, которое можно было бы условно определить как направление театрального классицизма. Юрьев обычно считал приверженцем каратыгинской школы. Юрьев это опровергает и, пожалуй, он прав. Его родословную скорее надо вести от тех великих западных трагиков, которые в конце 80-х годов прошлого века выступали в Москве. Превосходный литератор, Юрьев очень интересно описал их гастроли, и есть в его записках строки, которые относятся к Поссарту Юрьеву. Он сравнивает Поссарта с архитектором, являющимся образцом будущего здания, а затем уже по траверсе определенному плану воздвигает театр своей школы. «Все заранее продумано, вычислено и закончено», — пишет Юрьев о Поссарте. «Фигурирует отдаленная каждая интонация, каждый звук ложится под мантию, чтобы потом в конце концов подвести к должному эффекту. Причем все — с математической точностью. Даже его небольшой голос, шум правильного дыхания, производил впечатление громоподобное там, где это требовалось. Его искусство можно было сравнить с искусством эскиписта, зоошлера или

На заседании президиума ССП 17 января 1939 г.

1869 г. «Кому на Руси жить хорошо»

70 лет назад, 24 января 1869 г., вышел первый номер журнала «Отечественные записки», в котором была начата публикация поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная Матушка—Русь!

1759 г. Роберт Бернс

180 лет назад, 25 января 1759 г., родился великий шотландский поэт Роберт Бернс.

Донские былины

РОСТОВ-на-ДОНУ. (Наш корр.). Студентом Ростовского пединститута Ш. Кавешниковым составлен сборник донских былин.

Дружеская пародия

Н. Уткин СЕМЕЙНАЯ ГОВОРНАЯ От супруги до подруги Я гонял по всей округе.

Литературная газета

В 1859 году в России было создано общество для помощи нуждающимся литераторам и ученым, получившее впоследствии неофициальное название Литературного фонда.

Вступительное слово к отчету председателя правления Литературного фонда СССР т. К. Федина посвящено тому, как представляло себе правление стоявшие перед ним задачи.

Мы считали Литфонд фондом социального обеспечения, но не фондом зарплаты и не дополнением к заработку писателя. Мы хотели работать с активно, творчески работающими писателями.

Установка аппарата и некоторых членов правления Литфонда, что всем членам союза помогать нужно, а всем не чуждым — не нужно, неверна и вредна.

Эта книга возбуждает горячие, разнородные споры. Обсуждение повести, состоявшееся 13 января в Московском клубе писателей по почину «Красной нови», было содержательным.

В некоторых писателей это повело к другой крайности — к уходу от больших тем куда-то в сторону, к мелочам быта, где нет опасности власти в героический штат.

Такая практика Литфонда является антигосударственной, противоречащей отношению правительства к «издателям» за счет государства.

За 9 месяцев 1938 года Литературный фонд выдал безвозвратные ссуды почти 400 писателям, израсходовав на это 508 тысяч рублей.

Только 7 тысяч рублей израсходовано на стипендии. Многие писатели еще не имеют квартир и комнат, а огромные средства на капитальное строительство (свыше 3 млн. руб.) остаются неиспользованными.

С большим удовлетворением присутствующие встретили проект положения о материально-бытовой помощи писателям, в котором целый ряд видов помощи — по болезни писателя и его семьи, по специальной лечебной помощи — автоматизируется.

Правление Литфонда за последний год стало более внимательно к нуждам писательских организаций национальных и автономных республик.

Не надо забывать, — говорит т. Уткин, — что гонорар на местах гораздо ниже, чем в столицах.

Некоторые товарищи (Магидов и др.) поставили вопрос о пересмотре устава Литфонда в сторону его демократизации (выборность правления, преимущественный прием в члены Литфонда членов профсоюзов и т. п.).

Тов. Фадеев совершенно правильно заявил, что Литфонд это — орган творческой литературной политики в руках союза писателей, организованный при нем и под его контролем.

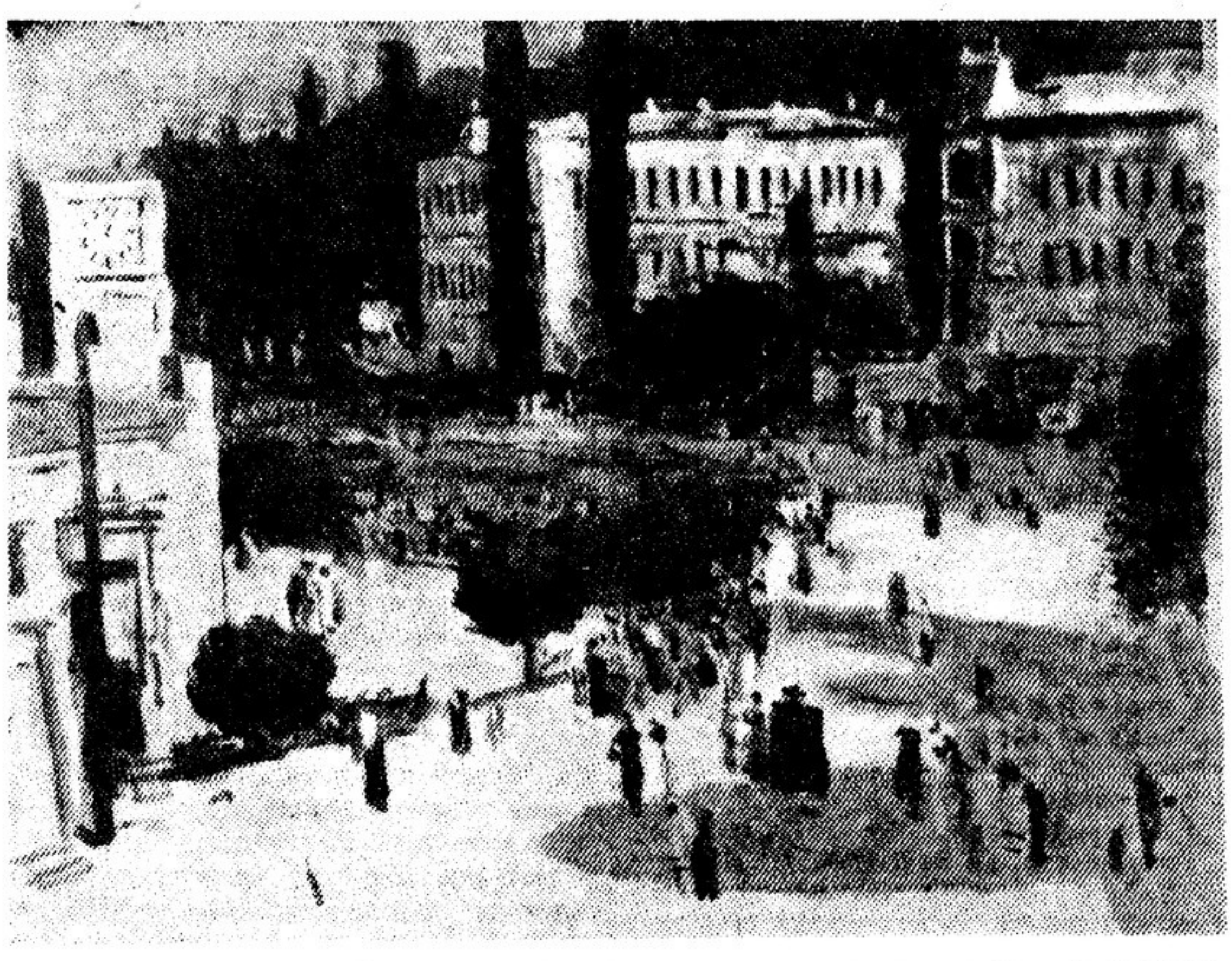
Принят ряд решений: констатировано, что в Литературном фонде нарушался порядок членства; рекомендовано правлению привлечь к повседневной руководящей работе в Литературном фонде писательский актив.

Состоялось собрание инициативной группы писателей по организации при издательстве «Советский писатель» нового литературно-художественного альманаха.

В читальном зале Всесоюзной библиотеки им. Ленина (Москва) открыта выставка, посвященная великому татарскому поэту-патристу, родоначальнику гражданского поэтического языка Габдулле Тукаю.

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В ближайшее время выставка будет перенесена во дворец культуры завода им. Сталина.

В Московском клубе писателей открылась выставка работ художника Сергея Герасимова. На снимке: картина С. Герасимова — Пейзаж. (Масло).

ПОДГОТОВКА К ЮБИЛЕЮ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Начал работать образованный союзом советских писателей юбилейный комитет по подготовке празднования 80-летия со дня рождения национального поэта Осетии, основоположника осетинской литературы К. Хетагурова (Коста).

Юбилейный комитет поручил В. Капину и И. Уткину организовать подоткрытый перевод осетинских произведений Коста Хетагурова.

ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 15 февраля Институт литературы Академии наук СССР проводит пушкинскую конференцию с участием литературоведов Москвы и Ленинграда.

ВЫСТАВКА Г. ТУКАЯ

В читальном зале Всесоюзной библиотеки им. Ленина (Москва) открыта выставка, посвященная великому татарскому поэту-патристу, родоначальнику гражданского поэтического языка Габдулле Тукаю.

НОВЫЙ АЛЬМАНАХ

Состоялось собрание инициативной группы писателей по организации при издательстве «Советский писатель» нового литературно-художественного альманаха.

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В ближайшее время выставка будет перенесена во дворец культуры завода им. Сталина.

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В ближайшее время выставка будет перенесена во дворец культуры завода им. Сталина.

ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. ШЕВЧЕНКО

Государственное издательство «Художественная литература» тиражом в 20 000 экз. выпускает «Собрание» Тараса Шевченко.

Таким же тиражом выпускаются «Поэмы» Т. Шевченко. В книгу входят поэмы Шевченко: «Катерина» (перевод Исаковского), «Сон» (В. Цвелева), «Еретик» (В. Рожественского), «Степной» («Невольник») (Н. Асеева), «Батрачка» (Ф. Солдуба), «Клякша» (В. Гиппиуса), «Черный» (Н. Асеева), «Сотник» (В. Турганова).

К ЮБИЛЕЮ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Президиум Всесоюзного комитета по проведению 50-летия со дня рождения Шолом-Алейхема при ССП постановил провести юбилейные торжества в середине апреля.

Книжная хроника

Государственное издательство художественной литературы в ближайшее время выпускает 2-ое издание «Прозы» М. Ю. Лермонтова.

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

В этом же издательстве выходит трагедия Николая Вирта «Земля» с приложением дневника автора: «Год в школе художественного театра».

Письмо в редакцию

Уважаемый тов. редактор! В № 21 «Литературного обозрения» помещена довольно обширная рецензия Е. Клиповича на книгу Д. Фейхтвангера «Васантасена».

Считаем долгом сделать некоторые дополнения к помянутой выше рецензии Е. Клиповича.

1. «Васантасена» написана несколько раньше, чем утверждает Е. Клипович. Последняя редакция этой драмы, принадлежащей перу безвестного индийского поэта, относится к V веку нашей эры.

2. Первым переводчиком «Васантасены» был известный санскритолог Г. Вильсон (1786—1860).

3. В начале прошлого столетия «Васантасена» была переведена на немецкий язык, о чем упоминает познакомившийся с этим переводом Г. Гейне в своих «Путевых картинах» (Город Лукка), что Е. Клипович, как специалист по Гейне, должна была бы знать.

4. Д. Фейхтвангеру принадлежит обработка этой драмы; обработка сделана Д. Фейхтвангером, по совету скромному мнению, со свойственным большому художнику мастерством.

5. Д. Фейхтвангер, в предисловии (похожем на 1915 г.), дает очень высокую оценку этой народной индийской драме, пишет: «Первый европейский переводчик «Васантасены» Г. Вильсон назвал поэта индийским Шекспиром. Некоторые индо-германские поэты старались вывести из браслета в глаза схожества этого произведения с шекспировскими драмами, — новое доказательство исключительного превосходства индо-германского духа и индо-германского искусства. Некий клерикальный историк литературы нашел даже, что языческому автору до полного шекспировского совершенства не хватает только христианского духа». (Едва ли эти слова могут свидетельствовать о «богемно-индо-германских» настроениях молодого Фейхтвангера).

6. Далее в том же предисловии (не впечатанном Ленгослитиздатом, что безусловно является его крупной ошибкой) Д. Фейхтвангер говорит: «Тот, кто захотел бы проверить, насколько мне удалось сохранить характер произведения индийского поэта, может обратиться к заслуженному переводу «Васантасены», сделанному Г. Ц. Келлернером».

7. К сожалению, Д. Фейхтвангер не добился, что тот, кто захотел бы написать рецензию на эту его работу, может получить сведения об индийской драме «Васантасена» даже в старом четырехтомном словаре Брокгауза.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛУБНЫЙ ДЕНЬ Четвертый клубный день московские писатели посвящают белорусской литературе и искусству. Он состоится 29 января.

Календарь КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ Сегодня, 26 января, — вечер творчества начинающих писателей. Студенты Московского литературного института союза советских писателей, члены литературного кружка при МГУ и литературных групп при литконсультациях издательства прочтут свои поэмы, стихи, рассказы и отрывки.

Вечер П. Антокольского 29 января в лектории МГУ состоится творческий вечер поэта Павла Антокольского.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОИТИНСКАЯ.